СА

4
1929

SOWREMENNAIA ARCHITEKTURA

SA

СОВРЕМЕННАЯ АРХИТЕКТУРА

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫМИ
УЧРЕЖДЕНИЯМИ — ГОСИЗДАТ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ОТКРЫТА **ПОДПИСКА на 1930 г.** НА ЖУРНАЛ

СА

СОВРЕМЕННАЯ АРХИТЕКТУРА

5-й ГОД ИЗДАНИЯ

ВЫХОДИТ 6 НОМЕРОВ В ГОД

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
М. Я. ГИНЗБУРГ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: НА ГОД 10 РУБЛЕЙ; НА 6 МЕСЯЦЕВ—5 РУБ. 50 КОП. ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 2 РУБ. 50 КОП.

Подписка принимается: Периодсектором Госиздата РСФСР, Москва, Центр, Ильинка, 3, тел. 4-87-19; Ленотгизом, Ленинград, пр. 25 Октября, 28. В отделениях, конторах и магазинах Госиздата РСФСР, у уполномоченных, снабженных удостоверениями, во всех киосках Всесоюзного контрагентства печати, во всех почтово-телеграфных конторах, а также у письмоносцев.

СА СТАВИТ СВОЕЙ ЗАДАЧЕЙ ОСВЕЩЕНИЕ РАБОТЫ СОВРЕМЕННЫХ СОВЕТСКИХ АРХИТЕКТОРОВ-ИНЖЕНЕРОВ ПО СОЗДАНИЮ И ОФОРМЛЕНИЮ НОВЫХ ТИПОВ АРХИТЕКТУРЫ, ОТВЕЧАЮЩИХ СОЦИАЛЬНЫМ, ХОЗЯЙСТВЕННЫМ И ТЕХНИЧЕСКИМ УСЛОВИЯМ СССР.

СОДЕРЖАНИЕ № 4

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, 69, Новинский бул., 32, кв. 63, тел. 5-76-95

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ

СОРЕВНОВАНИЕ НА ЖИЛЬЕ

ОСА

ЦЕЛЬ соревнования — ДАТЬ ПРОЕКТ, который максимально ответил бы всем социально-политическим и экономическим требованиям, выдвинутым пролетариатом для построения социализма в нашей стране и НЕ ВЫХОДИЛ БЫ ЗА ПРЕДЕЛЫ возможности его осуществления в СЕГОДНЯШНЕЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

Конкретное содержание жилья (*производственные и бытовые процессы, арматура, строй-материалы, конструкции и т. д.*) **вырабатывается теми архитектурными объединениями и стройконторами, которые примут участие в данном соревновании.**

Для всестороннего и правильного разрешения жилья трудящихся ОСА ВЫЗЫВАЕТ НА СОРЕВНОВАНИЕ ВЕСЬ АРХИТЕКТУРНЫЙ И ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНЫЙ КОЛЛЕКТИВ СОЮЗА ССР.

КОНКРЕТНО ВЫЗЫВАЕТ СЛЕДУЮЩИЕ ОРГАНИЗАЦИИ:

АСНОВА,
АРУ,
ВОГИ,
ВОПРА,
ГОС. ИН-Т СООРУЖЕНИЙ
ЛАО,
ЛЕНИНГР. ОБ-ВО АРХ.-ХУД.
МАО,
МОСГУБЖИЛСТРОЙСОЮЗ,
МОССТРОЙ,
СТРОЙКОМ,
ЦЕНТРОЖИЛСОЮЗ и другие стройорганизации и отдельных тт., желающих принять участие в соревновании.

Для пояснения цели соревнования, ОСА прилагает тезисы по жилью, принятые на 1-м съезде Общества современных архитекторов, и в процессе проведения его предполагает устроить, с участием партийной и рабочей общественности, ряд докладов-диспутов по вопросам нового быта и его организации.

Организационная *форма оценки* представленных работ:

ВЫСТАВКА,
ДОКЛАДЫ АВТОРОВ,
ДИСПУТЫ и
ОРГАНИЗАЦИЯ ЖЮРИ из ОБЩЕСТВЕННОСТИ и ГРУПП, ПРИНИМАВШИХ УЧАСТИЕ в СОРЕВНОВАНИИ.

ПРАВЛЕНИЕ ОСА

ТЕЗИСЫ по ЖИЛЬЮ

(Приняты на 1-м съезде ОСА)

ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ ЖИЛЬЕ

Классовая сущность дореволюционного жилстроительства

Жилье, как средство максимальной эксплоатации рабочих.

Жилье, как средство классовой борьбы буржуазии с пролетариатом.

В начальной фазе капиталистической экономики, характерной отсутствием четкой классовой идеологии пролетариата, форма жилья выливается в тип казарм, общежитий с общими нарами. Развитие капитализма и параллельно рост классового самосознания пролетариата вызывает переход в организации жилья от общих казарм в блоки-котеджи, которые формируются по типу буржуазной квартиры.

Анализ буржуазной квартиры

Квартира является материальной формой мелкобуржуазной идеологии.

Обоснованность ее в общей структуре капиталистического хозяйства:

а) ЭКОНОМИЧЕСКАЯ—
рентабельность—высокий коэффициент жилой площади.

б) ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ—
обособленность и создание индивидуалистическо-собственнических навыков.

в) ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ—
решение элементов, входящих в содержание жилья (кухня, детская, столовая, гостиная и т. д.), как обособленно работающих частей.

Анализ существующего жилья в Советском Союзе
(особняки, блоки и так называемые дома-коммуны)

Ложность механического переноса схемы буржуазной квартиры в новую социальную структуру общества.

а) В СОЦИАЛЬНОМ РАЗРЕЗЕ—
данная схема является тормозом в коллективизации быта.

б) В ЭКОНОМИЧЕСКОМ—
задачу жилищного строительства: удовлетворить жильем всю рабочую массу и в связи с этим довести жилую площадь на 1 чел. до соответствующей нормы—нельзя решить системой старой изолированной квартиры без явного ухудшения экономичности жилья (повышение его кубажного коэффициента).

в) В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ—
изменение буржуазной квартиры в смысле максимального уплотнения жилой площади лишает ее функциональной обоснованности.

ОСОБНЯКИ НЕ ВЫДЕРЖИВАЮТ КРИТИКИ КАК В СОЦИАЛЬНОМ, ТАК И В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗРЕЗАХ

Существующие дома-коммуны, являющиеся по существу блоками из тех же особняков, тоже не могут быть исходным этапом для нового социального типа жилья.

Продолжение тезисов стр. 122

ТЕЗИСЫ по ЖИЛЬЮ

(Продолжение см. стр. 122)

ПРОБЛЕМА НОВОГО СОЦИАЛЬНОГО ТИПА ЖИЛЬЯ

(ДОМ КОММУНЫ)

КЛАССОВАЯ УСТАНОВКА—КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ БЫТА, Т. Е. „МАССОВАЯ БОРЬБА ПРОТИВ ДОМАШНЕГО ХОЗЯЙСТВА ИЛИ, ВЕРНЕЕ, МАССОВАЯ ПЕРЕСТРОЙКА В КРУПНОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО"

Ленин

Социальный состав дома-коммуны.

Жилье не может быть решено без учета тех целей и задач, которые становятся перед рабочим классом в построении социалистического уклада жизни.

Четкое дифференцирование бытовых и производственных процессов и максимальная их коллективизация.

1) ОТДЫХ, СОН, ВОССТАНОВЛЕНИЕ СИЛ
2) ПИТАНИЕ
3) ПОЛОВАЯ ЖИЗНЬ
4) ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ
5) КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ
6) САНИТАРНО - ГИГИЕНИЧЕСКОЕ ОТПРАВЛЕНИЕ, ОБСЛУЖИВАНИЕ
7) МЕДИЦИНСКИЙ НАДЗОР и КОНТРОЛЬ.

Только научная организация производственно-бытовых процессов и реальный учет экономики страны являются единственно правильными предпосылками для архитектора-конструктивиста в решении дома-коммуны.

ДОМ—КОММУНА

Типы жилья, распространенные в настоящее время как в буржуазных странах, так и у нас, все без исключения (не считая отдельных общежитий) являются типами индивидуальной, более или менее замкнутой квартиры, приспособленной для жилья одной семьи, как самостоятельной хозяйственной единицы. Такая отдельная квартира, выходящая на лестничную клетку, с изолированным входом, замкнутая в себе и обслуживающая одну семью, создалась исторически в соответствии с запросами и потребностями буржуазного общества и поэтому вполне отвечает этим запросам и потребностям. При этом чем крупнее и сложнее были эти запросы, тем более на них отвечали и план жилья, и детальная разработка квартиры, и строгая дифференциация комнат по их прямому назначению. Эта логичность и функциональное назначение как квартиры в целом, так и отдельных комнат понятно наблюдаются в полной мере лишь в жилищах, которые обслуживают более зажиточную и обеспеченную часть общества. Запросам же и бытовым условиям «низшего слоя населения» и рабочего класса, такого рода квартиры отвечают в очень слабой степени, так как рабочие и вообще не обеспеченные слои населения не в состоянии содержать квартиры в несколько комнат и вести свое самостоятельное хозяйство, — в особенности если одновременно работают и муж, и жена.

Поэтому уже давно в буржуазном обществе искали разрешения этого вопроса в создании особого типа жилья, более удобного для рабочей семьи. Однако все так называемые «рабочие жилища», созданные до сих пор в буржуазном обществе — это либо простые казармы без каких бы то ни было удобств, либо бараки, в которых вообще никакое приличное и культурное житье немыслимо, либо отдельные домишки в виде коттеджей, являющиеся очень отдаленным отражением барских особняков. Последние рассчитаны, так же как и барские особняки, на самостоятельную семью с самостоятельным хозяйством, с прислугой или домашней хозяйкой, освобожденной от других работ. Этот тип «рабочего жилья» (коттедж) возник как средство закрепощения квалифицированного рабочего, как арендатора этого домика на данном производстве, и распространяется в некоторых буржуазных странах с целью превращения более или менее привилегированной части рабочего класса в мелких хозяйчиков и с целью разъединения рабочего класса; а с вовлечением в производство помимо самого рабочего и его жены и подчас детей такой тип жилья еще в меньшей степени может удовлетворять бытовым, хозяйственным и культурным потребностям рабочего.

Все эти типы жилья, начиная от барских особняков и кончая рабочими «коттеджами» и другими видами «рабочего жилья», являются типами, порожденными на почве буржуазно-капиталистического строя и отвечающими только этому строю.

В период грандиозного социалистического строительства, в котором мы участвуем, такие формы и типы квартир требуют коренного пересмотра. Новое социалистическое общество требует и соответствующих новых форм и типов жилья, отвечающих новым бытовым, хозяйственным и культурным запросам и потребностям населения.

В настоящее время мы еще не имеем таких новых форм и типов. Идут лишь искания в этом направлении.

То, что до сих пор называлось и называется домом-коммуной, в столь же малой степени является домом-коммуной, сколь мало для самих проектировщиков и строителей понятны даже мысль и действительная сущность и формы социалистического общества. И ни один проект, ни одно предложение не дали до сих пор и не дают пока правильного решения. Но мы уже наблюдаем некоторое приближение к верному решению (в зависимости от степени углубления в анализ того, что и кого дом-коммуна должен удовлетворить) целей и назначения дома-коммуны.

Эта работа идет и должна итти исходя из анализа того, что такое социалистическое общество, какова его структура, взаимная связь между отдельными членами его, как оно возникает, развивается, какова его работа, отдых, времяпрепровождение, какие цели преследует и т. п.

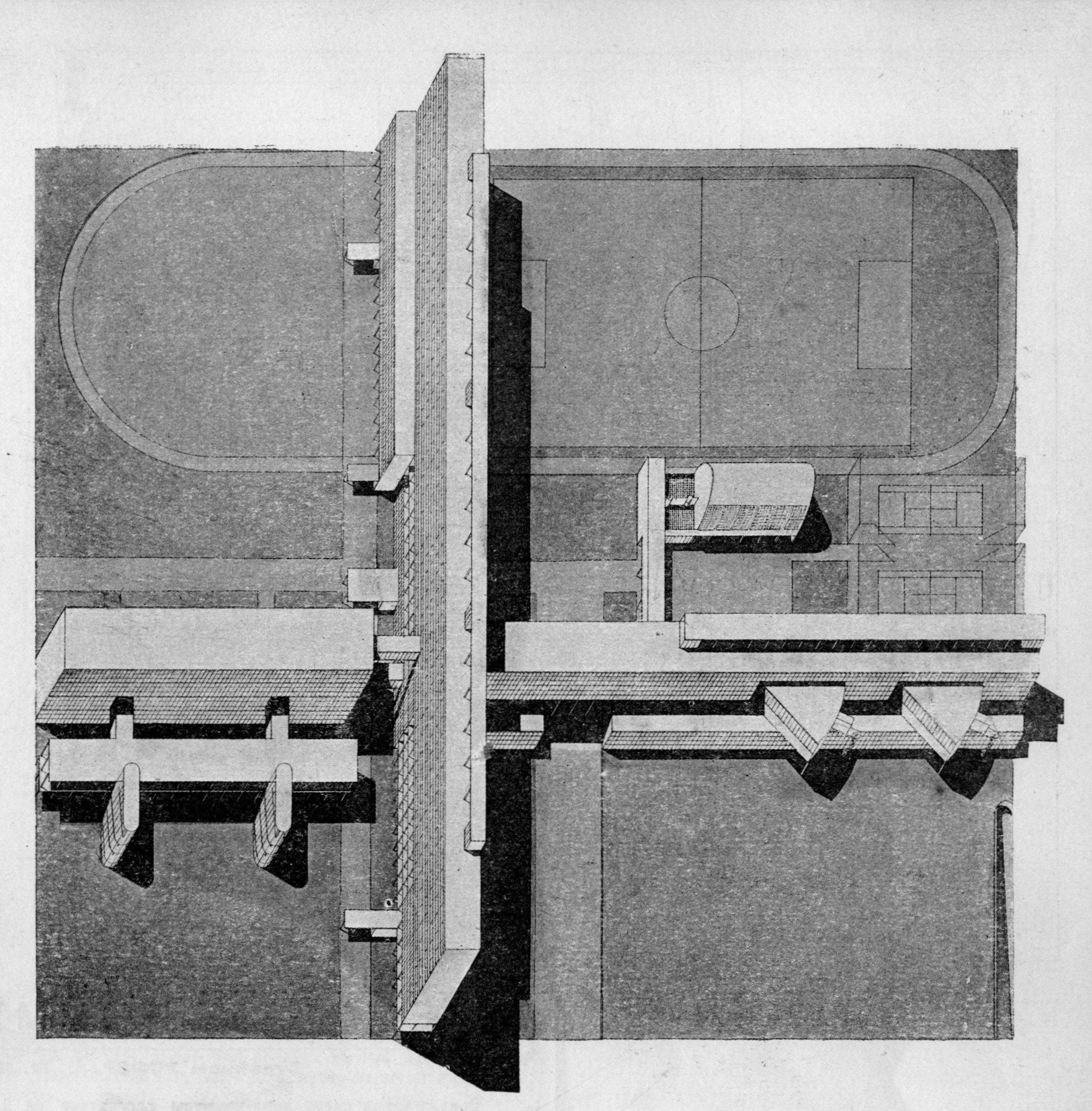
Так называемый «дом-коммуна», в том виде, как мы его имеем на сегодняшний день, в проектах или некоторых немногочисленных еще отстроенных зданиях представляет собой общежитие обычного буржуазного типа, с небольшим смотря по обстоятельствам, приложением от социализма, притом приложением, которое можно легко отнять и переставить, которое не органически врастает, а только прирастает к организму. Это приложение включает в себя обычно общую коммунальную (и не всегда достаточно приветливую): столовую, прачешную, иногда ясли, и реже — так называемые клубные помещения, т. е. комнаты отдыха. Эти обобществленные помещения, однако, нисколько не меняют существа формы основной части общежития, ничем не отличающегося от общежитий или гостиниц, строившихся и до Октября.

Для того, чтобы иметь хоть какие-нибудь отправные точки для проектировки дома-коммуны, надо прежде всего точно определить, в чем и где начинается расхождение между старой формой буржуазной квартиры (или буржуазного общежития) и той новой формой дома, отвечающей на запросы нового быта и культурным и социальным сдвигам соцстроительства.

Буржуазная квартира, обычный тип теперешних наших квартир, предназначалась для одной строго определенной семьи, как самостоятельной хозяйственной единицы с домашней работницей (в виде прислуги или жены). Поэтому все оборудование и все функционально определенные помещения (столовая, спальня, детская, гостиная, будуар, рабочий кабинет) были рассчитаны на пользование определенными членами одной семьи. Возможность дифференциации помещений по их функциональному назначению была обеспечена именно этой семейной замкнутостью. Как только мы перестаем думать о семье, как о чем-то постоянно между собой связанном, как о каком-то незыблемом объединении, живущем на ему только принадлежащем участке, мы перестаем видеть какие-либо удобства, предлагаемые буржуазной формой квартиры. Для новых бытовых взаимоотношений, построенных на иных предпосылках, нежели патриархально-единая семья, с своим индивидуальным, мелким хозяйством, буржуазная индивидуалистическая квартира уже не пригодна.

Хозяйственное обслуживание семьи трудящегося (питание, уборка, стирка и т. п.), а также воспитание детей, уход и наблюдение за ними и удовлетворение культурных и спортивных потребностей трудящихся и детворы должны и могут быть обобществлены, т. е. производиться на коллективных началах.

Поэтому надо все те помещения, которые по своему функциональному назначению и характеру должны обслуживать целые коллективы и не только отдельного индивидуума,

ДОМ-КОММУНА
СТРОЙКОМ РСФСР

М. БАРЩ и В. ВЛАДИМИРОВ

HAUS-KOMMUNE
BAUKOMITE RSFSR

M. BARTCSH und W. WLADIMIROFF

выделять в соответствующие, максимально оборудованные обобществленные помещения. К таким помещениям относятся — столовая, общие залы коллективного отдыха, читальни-библиотеки, зал для физкультуры, детские помещения, ясли и т. п.; к отдельным индивидуальным помещениям относятся спальные кабины, комнаты для отдыха, индивидуального пользования и для научной работы.

Этим путем мы восстановим дифференциацию отдельных, функционально определенных помещений, но не в масштабе комнатушки в 9 *кв. м*, а в масштабе круглого объединения коллективного порядка.

Обслуживание буржуазной квартиры требует кустарного труда женщины. Раскрепощение женщины, на фоне буржуазной индивидуальной семейной обстановки, немыслимо даже и при высокой технике Запада. Но оно становится не только мыслимым, но естественно необходимым при переходе на коллективное обслуживание, ибо в доме-коммуне благодаря высокой степени оборудования, недоступной мелкому индивидуальному хозяйству, возможна индустриализация этого труда.

Дом-коммуна не только разрешает снова вопрос о дифференциации помещений, который был в буржуазной квартире для одной семьи так или иначе разрешен, но он еще более углубляет и развивает его.

Так как каждый определенный возраст имеет свои специфические запросы и требует особого к себе отношения как по оборудованию, так и по характеру помещения, то каждый член коллектива в зависимости от возраста должен обслуживаться соответствующими его возрасту помещениями и оборудованием, в то время как в буржуазной квартире «детская комната» была обычно одна и та же и для грудного ребенка, и для дошкольника, и для подростка.

Таким образом главное и основное социальное качество дома-коммуны состоит не в объединении старого жилья или общежитий гостиничного типа с теми или иными обобществленными помещениями, а в органически неразрывно связанном комплексе неотделимых друг от друга помещений, обслуживающих коллектив в целом и каждого члена коллектива в отдельности во всех его проявлениях на всех ступенях его возраста.

Только такой совершенно новый тип жилья, где помещения коллективного пользования не оторваны от помещений индивидуального жилища и не ограничены лишь несколькими, независимыми от всего комплекса здания, помещениями, — а связаны между собою в одно единое целое, и — где общие и индивидуальные помещения, по своему функциональному назначению друг друга дополняя, построены на началах единого коллективного хозяйства, — только такой дом может быть назван действительно домом-коммуной.

Здесь мы приводим несколько чертежей, намечающих примерную схему такого рода дома-коммуны.

В. Вельман

(«Типовые проблемы и конструкции жилищного строительства» Стройком РСФСР. М. 1930).

1-ый этаж

Схема дома-коммуны

Стройком РСФСР. М. Барщ и В. Владимиров

Предлагаемая схема дома-коммуны рассчитана на 1000 человек взрослого населения и 680 детей, из которых около 360 в возрасте до 8 лет и около 320 в возрасте от 8 до 16 лет.

Здание коммуны располагается на большом (200 × 230) незастроенном участке, поверхность которого покрыта зелеными насаждениями. Застройка равняется около 10%; плотность — около 350 ч. на гектар квартала, что является экономичным, по сравнению с действующими нормами застройки и плотности, и дает значительно большую поверхность зеленых насаждений.

Все здание распадается на 3 основных части:

I. Корпус взрослых.
II. Корпус детей школьного возраста.
III. Корпус детей дошкольного возраста.

Так как спальные кабины взрослых вследствие своей малой величины выходят на ту и на другую сторону — корпус взрослых располагается по меридиану — с севера на юг, так чтобы большая часть кабин выходила на восток и меньшая на запад. Детские корпуса, имеющие спальни или сквозные или расположенные только на одну сторону, поставлены перпендикулярно корпусу взрослых. Таким образом детские спальни выходят прямо на юг. Получающийся крестообразный план застройки делит весь квартал на 4 неравные части:

а — для детей дошкольного возраста — зелень, площадки для игр и т. п.;
б — для школьников—сельскохозяйственные культуры: огород, фруктовый сад, биологический уголок, площадки для игр;
в — парк для отдыха и прогулок взрослых;
г — спортивный сектор: футбольное поле, беговая дорожка, теннисные корды, легкая атлетика, в центре спортивного сектора павильон физкультуры, связанный крытым переходом с корпусом школьников.

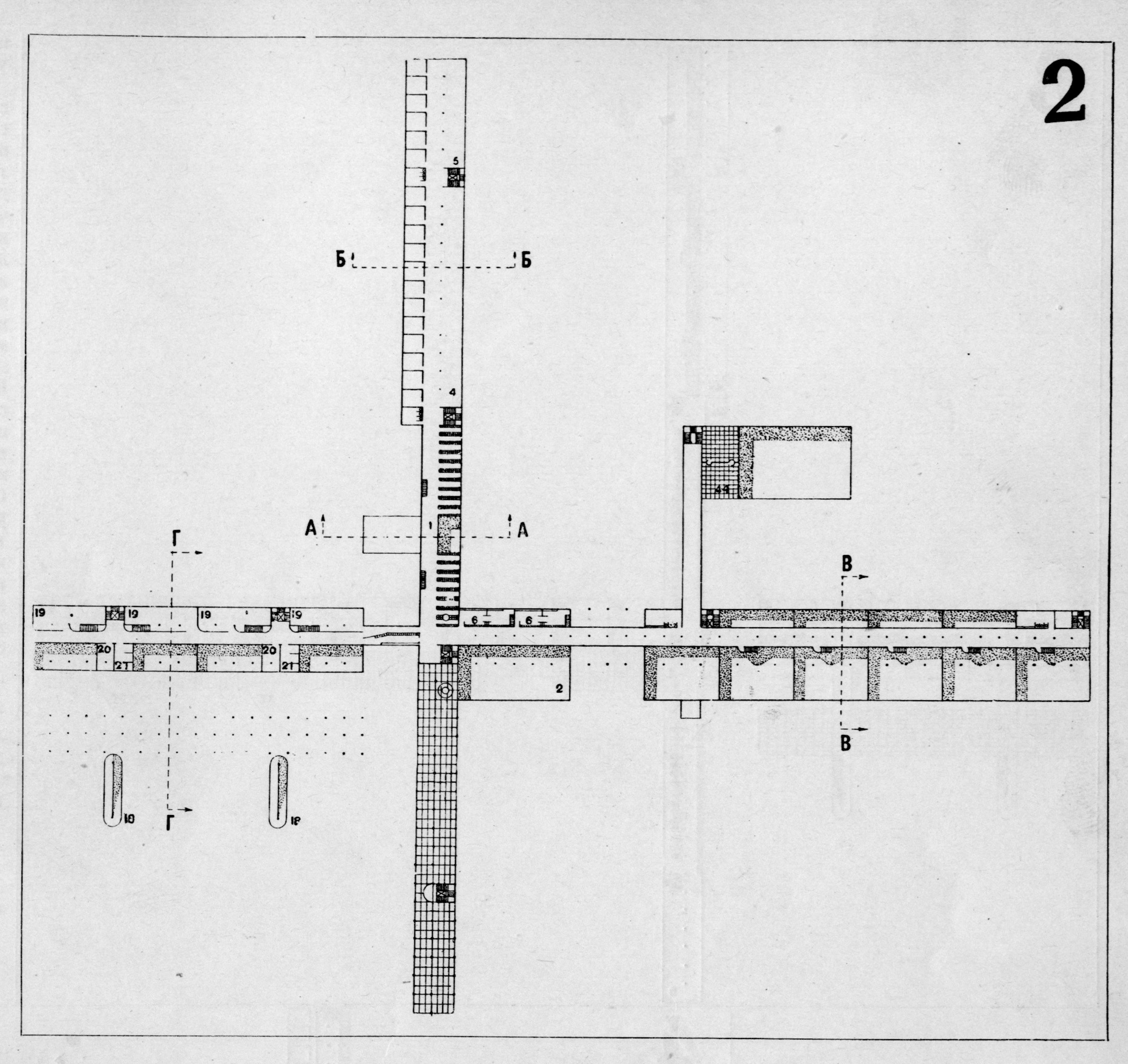
Так как большая часть I-го этажа отсутствует и заменена столбами, все эти части достаточно связаны между собой,

Снабжение коммуны продуктами, материалами, топливом (при отсутствии возможности устроить районное отопление или пользоваться теплосиловым хозяйством ближайшего предприятия) организуется через подвал, куда машины съезжают по одному пандусу и выезжают по другому. В подвале расположены все кладовые, холодильник, материально-вещевые склады, в случае необходимости котельная и топливо. Все лестничные клетки в подвале объединяются рельсовыми путями и для вагонеток с их помощью собирается грязное белье и распределяется чистое, собирается спускаемый по вертикальным спускам мусор и т. п.

В КОРПУСЕ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ нижние 4 этажа корпуса заняты помещениями общего пользования — гардероб для верхней одежды, столовая, комнаты для отдыха и занятий, библиотека и т. д. Шесть верхних этажей заняты спальными кабинами взрослых, решенных по простран-

2-ой этаж

ственной схеме Е (см. СА-1-29 г.). Каждый взрослый обитатель коммуны имеет индивидуальную спальную кабину жилой площади в 6 кв. метров, с объемом воздуха 15 куб. метр. Кабины снабжены интенсивной вентиляцией. Они расположены так, что при желании легко объединяются попарно. На чертежах отмечены номерами:

1. Главный вестибюль и гардероб с индивидуальными шкапчиками для верхней одежды, с специальной вентиляцией.

2. Распределитель пищи (в виде фабриката или полуфабриката доставляется с фабрики кухни).

3. Дежурная.

4. Помещения для отдыха и занятий: общие залы и небольшие комнаты для отдельных лиц или групп. Часть этих комнат оборудована для работы специальных кружков — фото, радио и т. д.

5. То же для более тихих и спокойных занятий — отдых, чтение и т. п.

6. Шлюзы со шкапчиками и душами при входе в распределитель (2).

7. Столовая взрослых и детей школьного возраста. Это объединение возможно вследствие разновременности пользования. Подача пищи из кухни механизирована путем двух подъемников, переходящих в горизонтальные конвейерные ленты, идущие вдоль столов. Кушанья заказываются передачей через этот же конвейер талонов. О необходимости вынуть кушанья из конвейера предупреждает автоматический световой сигнал. При входе в столовую расположены умывальники.

8. Библиотека-читальня. Она является филиалом какой-нибудь крупной центральной библиотеки, которая ее периодически обновляет и снабжает теми специальными книгами, которые требуются отдельными индивидуальными потребителями.

9. Индивидуальные кабины для углубленного чтения и научной работы.

10. Спальные кабины взрослых. Каждая кабина оборудована душем, стенным шкапом, столом, откидной кроватью. На каждые две кабины в данной схеме предусмотрена уборная и умывальная, но можно устроить умывальные и для каждой кабины и наоборот: уборные на большее количество кабин.

КОРПУС ДЛЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА в разрезе представляет два комплекса схема F (см. СА-1-29 г.). В первом этаже помещаются ячейки для детей от 3 до 5 лет, во втором для детей от 5 до 8 лет, в третьем до 3 лет. В последнем четвертом этаже помещаются общая амбулатория, зубоврачебный кабинет, аптечка и т. д.

Каждый из трех первых этажей разделен на четыре изолированные группы по 30 детей. Так как в каждую группу можно попасть двояким образом: во-первых через междуэтажные коридоры, соединяющие детский корпус с корпусом взрослых, и во-вторых по вертикальным лестницам, соединяющим группы с вестибюлями внизу, то получается возможность совершенно изолировать любую из групп при появлении инфекционных заболеваний и иметь сообще-

3

ние с этой группой только через улицу.

На некотором расстоянии от корпуса, чтобы не затемнять его с южной стороны, расположены в два этажа открытые веранды, соединенные мостиками с гардеробами всех групп детей. Эти веранды служат для того, чтобы максимально увеличить время пребывания детей на открытом воздухе. Так как самостоятельное передвижение детей и перенос на руках совсем маленьких по лестницам затруднителен, то все веранды объединены между собой, а также с садом, расположенным перед ними пандусами. Все ячейки решены одинаково — высокая часть—выходящая на юг спальня, на противоположной низкой стороне ничем не отделенные от спален игралки и вспомогательные помещения. Сквозное проветривание спален и игралок обеспечивает идеальное санитарное состояние. Столовые расположены на уровне междуэтажного коридора и обслуживают 2 группы верхнюю и нижнюю. Пища в специальных термосах доставляется в детскую столовую из общей кухни.

Номера на чертежах означают:

11. Вестибюли детского корпуса. Через них осуществляется связь с любой ячейкой, в случае появления там инфекционного заболевания.

12. Комнаты персонала, обслуживающего детей.

13. Игралки.

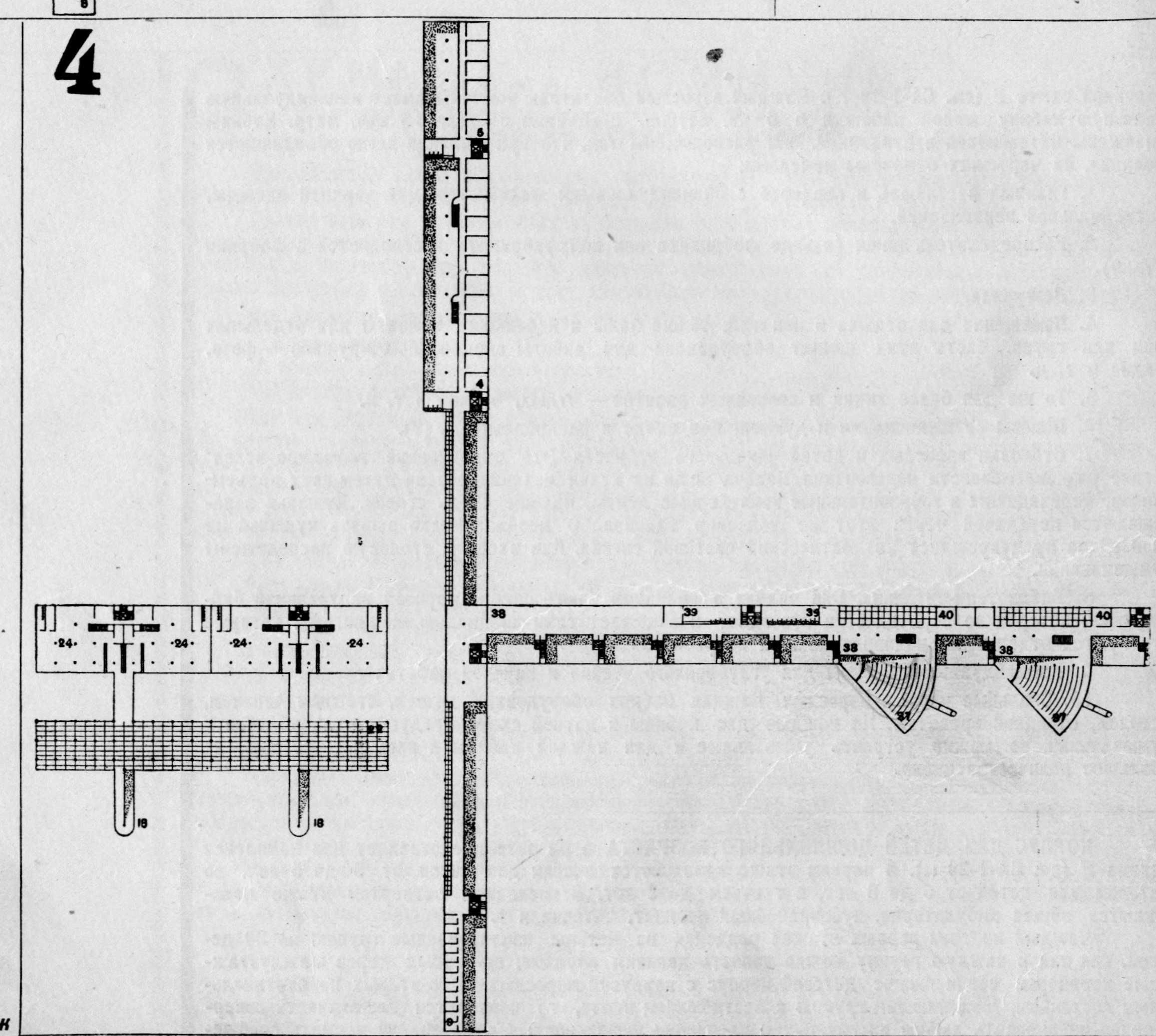
14. Туалетные и ванные.

15. Спальни.

16. Гардеробы с шкапчиками для верхнего платья.

3-ий этаж

4

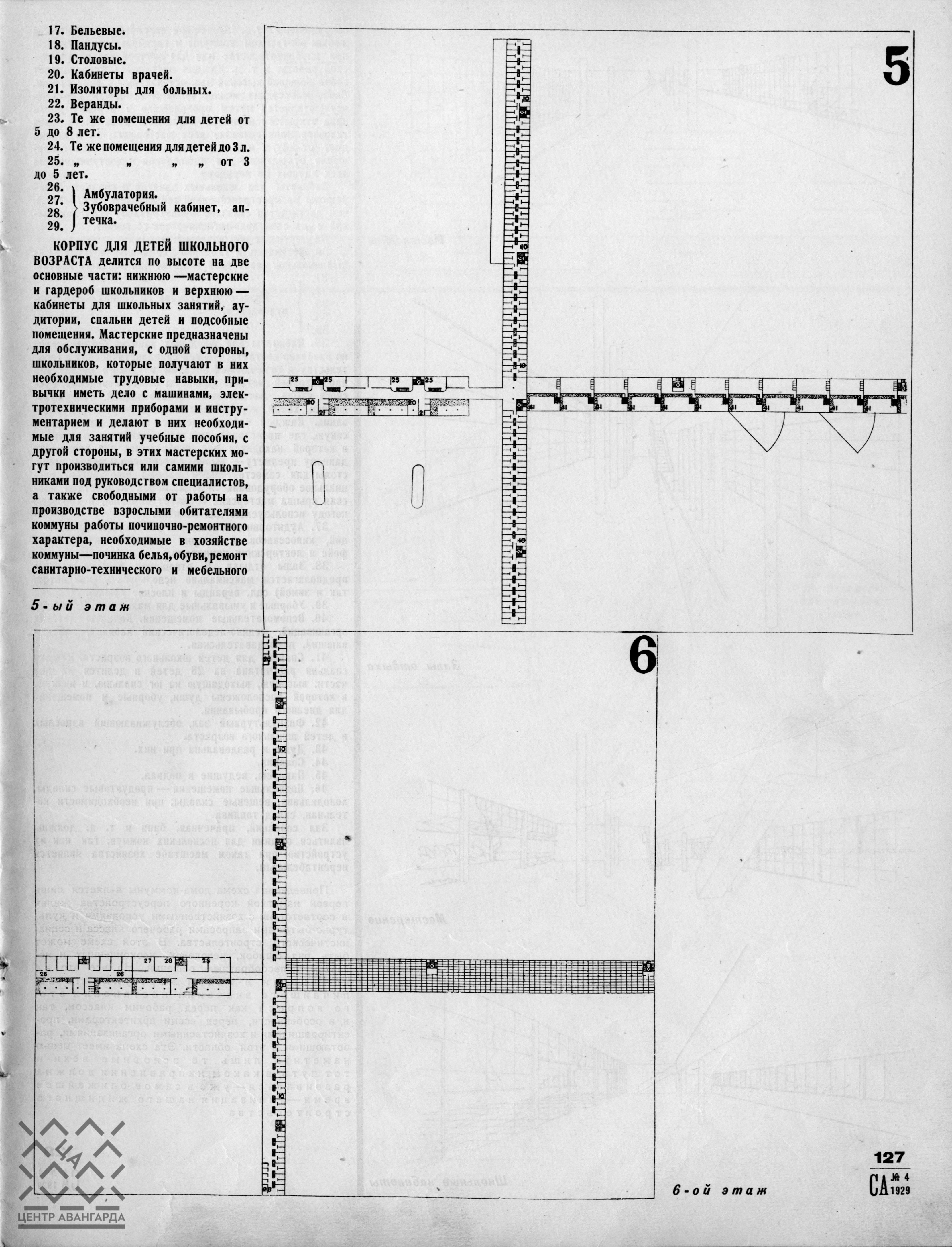

4-ый этаж

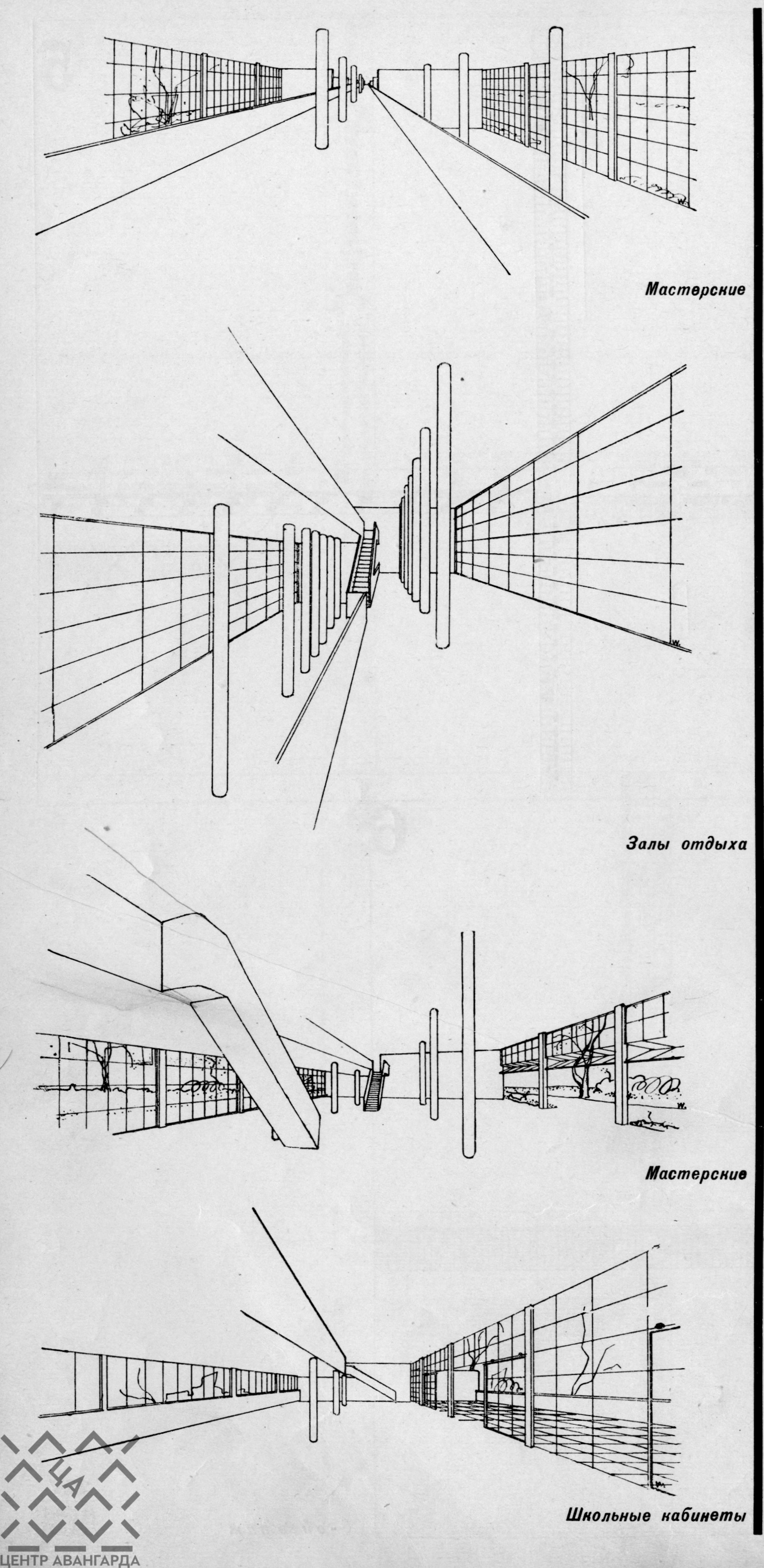
17. Бельевые.
18. Пандусы.
19. Столовые.
20. Кабинеты врачей.
21. Изоляторы для больных.
22. Веранды.
23. Те же помещения для детей от 5 до 8 лет.
24. Те же помещения для детей до 3 л.
25. „ „ „ „ от 3 до 5 лет.
26. } Амбулатория.
27. }
28. } Зубоврачебный кабинет, аптечка.
29. }

КОРПУС ДЛЯ ДЕТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА делится по высоте на две основные части: нижнюю —мастерские и гардероб школьников и верхнюю — кабинеты для школьных занятий, аудитории, спальни детей и подсобные помещения. Мастерские предназначены для обслуживания, с одной стороны, школьников, которые получают в них необходимые трудовые навыки, привычки иметь дело с машинами, электротехническими приборами и инструментарием и делают в них необходимые для занятий учебные пособия, с другой стороны, в этих мастерских могут производиться или самими школьниками под руководством специалистов, а также свободными от работы на производстве взрослыми обитателями коммуны работы починочно-ремонтного характера, необходимые в хозяйстве коммуны—починка белья, обуви, ремонт санитарно-технического и мебельного

5-ый этаж

6-ой этаж

Мастерские

Залы отдыха

Мастерские

Школьные кабинеты

оборудования и т. д. Наконец они могут быть использованы любым обитателем коммуны и специальными кружками при изобретательстве или для научной исследовательской работы и т. д. Каждая мастерская представляет собой большой высокий зал, остекленный с двух сторон. Связь мастерских между собой и основным корпусом осуществляется путем проходящего в верхней части зала открытого коридора — мостика. Этим достигается сквозное проветривание всех мастерских, их изоляция друг от друга, и в то же время они являются совершенно открытыми для наблюдения и доступными для всех идущих по коридору.

Кабинеты для школьных занятий и спальни детей решены по пространственной схеме F (см. СА 1.—29 г.), чем достигается сквозное проветривание всех помещений и их санитарно-гигиеническое состояние.

На чертежах обозначены номерами:

30. Вестибюль и гардероб для школьников, где каждый школьник имеет свой шкапчик для верхнего платья.

31.–35. Разные мастерские со специальным оборудованием.

36. Кабинеты для школьных занятий организуются по наиболее соответствующей социалистическому строительству и отвечающей задачам трудового воспитания лабораторной системе. Кабинеты обществоведения, русского языка, математики, естествознания, географии, физики, химии, иностранных языков, черчения и рисования. Каждый кабинет делится на две части — высокую, где происходят собственно занятия, и низкую, в которой находится все необходимое для работы по данному предмету — шкафы с пособиями и коллекциями, столы для самостоятельной работы школьников, специальное оборудование и т. д. Перед кабинетами плоская крыша мастерских образует веранды, в хорошую погоду используемые для занятий.

37. Аудитории для массовой работы, докладов, лекций, киносеансов. Аудитории снабжены кинобудками, фойе и лекторскими комнатами.

38. Залы отдыха. В отношении отдыха вообще предполагается максимально использовать (как летом, так и зимой) сад, веранды и плоские крыши.

39. Уборные и умывальные для мальчиков и девочек.

40. Вспомогательные помещения. Комнаты детских организаций, медико-педологический кабинет, заведывающий, преподавательская.

41. Спальня для детей школьного возраста. Каждая спальня рассчитана на 28 детей и делится на две части: высокую, выходящую на юг спальню, и низкую, в которой расположены души, уборные и помещения для дневного пребывания.

42. Физкультурный зал, обслуживающий взрослых и детей школьного возраста.

43. Души и раздевальни при них.

44. Солярии.

45. Пандусы, ведущие в подвал.

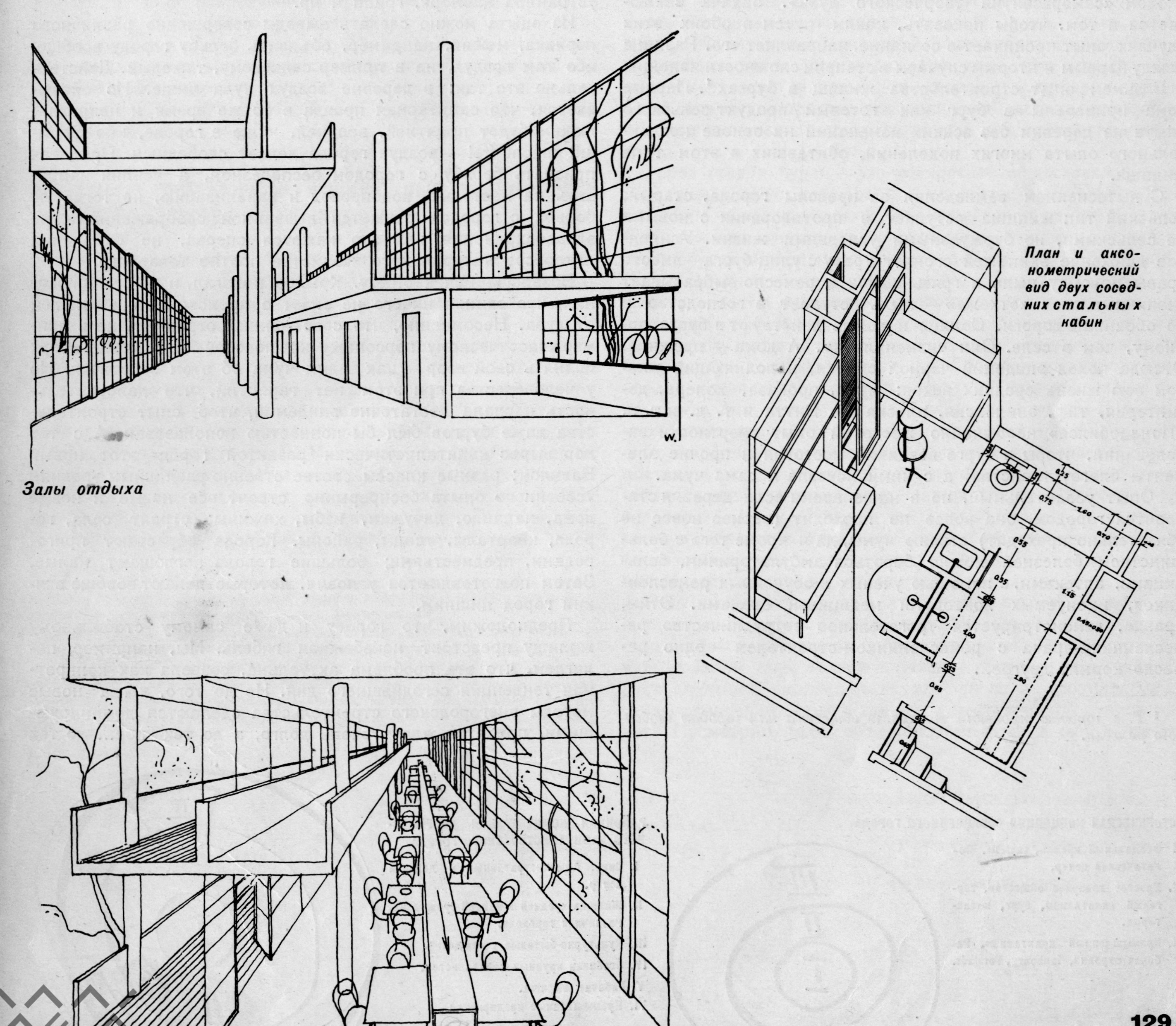
46. Подвальные помещения — продуктовые склады, холодильник, вещевые склады; при необходимости котельная, склад топлива.

Зал собраний, прачечная, бани и т. д. должны являться общими для нескольких коммун, так как их устройство при таком масштабе хозяйства является нерентабельным.

Приведенная схема дома-коммуны является лишь первой наметкой коренного переустройства жилья в соответствии с хозяйственными условиями и культурно-бытовыми запросами рабочего класса и социалистического строительства. В этой схеме может быть ряд ошибок, недоделок, неоконченных и несовсем целесообразных решений. Но все это не должно ни в какой мере умалять величайшего значения постановки этого вопроса как перед рабочим классом, так и, в особенности, перед всеми архитекторами, проектировщиками и хозяйственными организациями, работающими в этой области. Эта схема имеет целью наметить лишь те основные вехи и тот путь, в каком направлении должна развиваться — уже в самое ближайшее время — типизация нашего жилищного строительства

Разрезы

А А — Б Б — В В — Г Г

План и аксонометрический вид двух соседних стальных кабин

Залы отдыха

Столовая

К ПРОБЛЕМЕ ГОРОДА

М. Охитович

ZUM PROBLEM DER STADT

VON M. OCHITOWITSCH

О СПОСОБАХ ВОСПРИЯТИЯ АРХИТЕКТУРНОГО ОПЫТА

Несомненно, что между крестьянином средних веков и современным архитектором-новатором лежит пропасть в способах постройки жилища, но констатировать — не значит объяснить. Между первым и вторым есть сходство. И тот и другой вынесли свое искусство из опыта. Источники опыта первого можно сравнительно легко открыть, проследить. Достижения второго сплошь и рядом представляются плодом «саморазвития творческого духа». Задача заключается в том, чтобы показать, каким путем в обоих этих случаях опыт проникает в сознание, направляет его. Разница между первым и вторым случаем в степени сложности явления.

Возьмем опыт строительства жилищ в бургах[1]. Первые дома принесены в бург как готовый продукт сельского опыта из деревни без всяких изменений на основе положительного опыта многих поколений, обитавших в этом типе жилища.

С вытеснением земледелия за пределы города, старый, сельский тип жилища вступает в противоречия с новыми не сельскими, но буржуазными условиями жизни. Усиленное движение экипажей сгоняет траву с улиц бурга — вместо травы повсюду пыль и грязь; рынок и ремесло выбрасывает различные свои «отходы» — пыль вступает в господство и по обочинам дороги. Солнце и дождь действуют в бурге поиному, чем в селе. Они «изменились». А дома — прежние. Отсюда поход эпидемий черной смерти, наполняющий ужасом всю жизнь средних веков: чума, проказа, холера, дезинтерия, тиф, эпилепсия, пляска св. Витта и т. д. и т. п. «Понадобился» необычайно жестокий опыт смертности заболеваний, чтобы в бурге возникла мостовая и прочие элементы благоустройства, а с ними исчезла и сама чума.

Опыт убедительный, но в наше время если деревня становится городом, она вовсе не проходит (вернее вовсе не обязательно проходит) стадию чумы, да и кроме того с большинством болезней можно бороться амбулаториями, больницами, аптеками, с помощью ученых и обученных ремесленников, именуемых докторами медицины, врачами. Этим, правда, демонстрируется трогательное сотрудничество ремесленника-врача с ремесленником-строителем — одно ремесло кормит другое...

[1] *Т. е. городах простого товарного общества или городах свободного ремесла.*

Если бы, скажем, грипп, испанка, свирепствующие в послевоенную эпоху, или, скажем, насморк, зубная боль угрожали бы самому существованию современного общества и если бы они сгоняли венценосцев финансового капитала с мест их обитания, как это делала черная смерть со всевозможными императорами европейского средневековья, то поле деятельности медицины было бы значительно сокращено, т. к. в понятие благоустройства была бы м. б. включена совокупность тех мероприятий, которая бы устранила насморк, грипп и пр.

Из опыта можно сделать выводы совершенно различного порядка, можно, например, объявить борьбу городу вообще, ибо там воздух, не в пример сельскому, тяжелый. Действительно это так: в деревне воздух куда чище. Но оказывается, что санитарная правда в то же время и неправда: людям будет приятней, вольней, чище в городе, ибо Stadtluft macht frei — воздух города делает свободным. Придется признать борьбу с городом бесполезной, а усилия направить на мостовые, водопровод и канализацию, но тогда уж борьба с городом окажется вызванной соображениями не здравоохранения, как это кажется сперва, но охранения интересов натурального хозяйства против товарного.

Возвращаемся к опыту. Крылов полагал, и не без основания, что свинья ничего не знает о происхождении желудей от дуба. Несомненно, что современный строитель не в пример классическому персонажу крыловской басни может вверх поднять свой взор — как видим чума об этом заботится. Но у человечества при этом нет гарантий, что действительность наслала достаточно эпидемий, чтоб опыт строительства даже бургов был бы полностью использован. А с тех пор вырос капиталистически развитой город—этот новый Вавилон; разные классы соответственно различным уровням усвоенного опыта беспрерывно строят все новые и новые дома, палаццо, лачужки, избы, хижины; строят села, города, кварталы, улицы, районы. Города обрастают пригородами, предместьями; большие города поглощают малые. Затем подготовляются условия, которые делают вообще всякий город лишним.

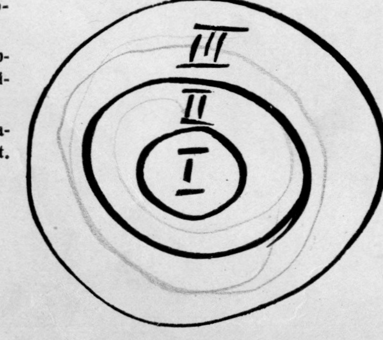
Предположим, что городу и даже самому стабильному жилищу предстоит неизбежная гибель. Мы, например, полагаем, что эта проблема актуальна, созрела как конкретная тенденция сегодняшнего дня. Но до того, когда новые методы внегородского строительства сделаются доминирующими, придется ждать очень долго, а до тех пор... до тех

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА.

I Феодальный кремль, castelle. Политический центр.

II. Простое товарное общество, торговый капитализм, бург, китай-город.

III. Нромышленный капитализм. Рабочая окраина, faubourg, Vorstadt.

РАЙОННАЯ КОНЦЕНТРАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ГОРОДА.

I. Сити. Административный и деловой центр.

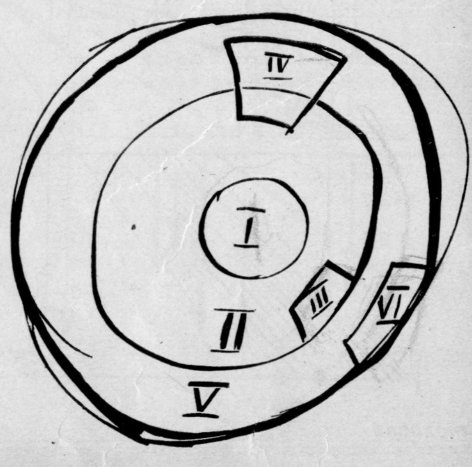
II. Жилища средней и мелкой буржуазии. Розничная торговля.

III. Культурно-бытовые учреждения.

IV. Особняки крупных капиталистов.

V. Рабочие жилища.

VI. Промышленные предприятия.

пор человечество будет предавать динамиту целые гауризанкары домов, улиц, городов...

За эти гауризанкары загубленных производительных сил отвечает чистый эмпиризм строителя, неспособность его свое ремесло, свою специальность рассматривать на основе внеспециального, исторического, научного опыта. Это вина чистого эмпиризма строителя. Его беда заключается в том, что для постановки задач, отвечающих современным историческим тенденциям архитектуры и строительной техники нужно быть заинтересованным в процессах, определяющих эту тенденцию. Бург строился от индивидуального интереса к общему (см. схему). Капиталистический город регулирует строительный самотек, анархию. В наступающей эпохе индивидуальное будет строиться от «интереса» общего. Заинтересован ли архитектор Запада в такой постановке? Нет. Даже умнейший из них в наше время не сможет получить заказа строить в плане общих интересов, ибо они, эти планы, лежат за пределами умственного горизонта заказчика, ибо общих интересов нет,— есть интересы классов, внутриклассовых групп есть наконец интересы индивидуумов...

Карл Маркс (речь идет о научном методе марксизма) — это единственно подготовленный для теперешних условий архитектор, заинтересованный в правильной и возможной постановке и разрешении проблем сегодняшнего и завтрашнего дня архитектуры. Ведь его «заказчиком» является общий интерес; его «хозяином» — пролетариат сегодня, бесклассовое человечество — завтра...

И так до сих пор не могли строить без капитала (с маленькой буквы), так отныне нельзя будет строить без «Капитала» (с буквы заглавной).

Вывод: врач — это архитектор; архитектор является кроме того еще и тем членом ЦКК, на котором лежит обязанность предупредить «разложение», ибо до сих пор с бытовым разложением можно было бороться административными мерами, апелляцией к моральному и политсознанию, «архитектор» же может уничтожать и самые источники разложения. Впрочем мы еще поговорим о том, что такое архитектор.

ЖИЛИЩНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ

Жилище является местом отправления физиологических функций человека. Элементарный (в этом его несчастье) опыт говорит нам об этом. Мы спим, едим, согреваемся, отдыхаем, производим на свет детей и вскармливаем их. Значит ли это, что жилище, его форма, качество определяются развитием физиологических потребностей? Нет. Причиной изменения жилища служат изменения в средствах производства. Изменение в физиологических потребностях является следствием, а не причиной применения жилища.

Жилище, таким образом, является не продуктом, но условием, общественным условием удовлетворения физиологических потребностей.

Без жилища (точнее до жилища) мы имели естественные потребности как таковые, при жилище те же естественные, физиологические потребности являются модифицированными материально-общественными условиями.

Общественные условия (жилище в частности) не могут отучить человека дышать, пить, есть, двигаться, но могут ограничить или увеличить размеры потребностей, могут создать новые формы удовлетворения их и новые потребности вообще.

Таким образом выходит, что жилища строятся для удовлетворения общественных, а не физиологических потребностей, причем физиологические потребности превращаются в общественные. Все так называемые санитарные формы: кубатуры, температуры, света в жилище, основанные якобы на некоем минимуме физиологических потребностей, случайны, неубедительны, условны и преходящи.

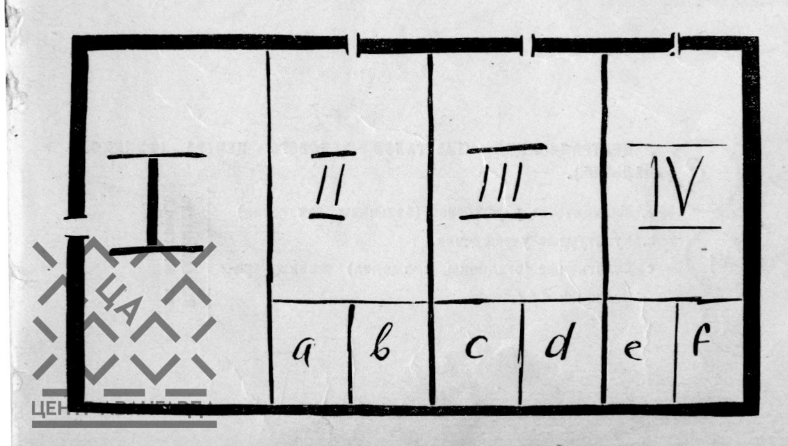
Шесть квадратных метров — голодный минимум; десять — лучше, двадцать — прекрасно, а идеально?.. Идеально жить на открытом свежем воздухе, вне кубатуры. Санитарной норма лишь кажется, а на самом деле она оказывается экономической, социальной нормой. Температура? Откуда эта сакраментальная цифра $+14°$? Это — потребность для неподвижного сидячего человека в стабильном помещении. Проблема температуры в жилище и одежде ничего не определяет; она, напротив, определяется сама. И жилище и одежда могут быть объяснены из происхождения собственности, с одной стороны, и условий производства — с другой, но не из физиологии.

Свет? Физиологическая потребность в свете почти безгранична. Проблема окон, стекла, искусственного освещения,— это проблема обуздания физиологических потребностей общественными. Высший общественный строй—тот, который с помощью тончайшей и высочайшей техники создает условия для максимального функционирования физиологического, естественного человека, а не тот, который убивает, насилует их...

Архитектор должен найти социальную норму: из нее вытекут и «санитарные» нормы. Нормы температуры, кубатуры, света вытекают из общественных условий — способа производства. Они, эти нормы, меняются. Революция в способе производства, социальная революция неизбежно приведет к революции в наших представлениях о физиологическом минимуме (прежде всего он станет лишним), о обязательности, вечности сидячего образа жизни, о постоянной неподвижной норме вообще.

ЖИЛИЩНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Итак физиология никуда не исчезает, но фигурирует в общественном проявлении. Разберем конкретно формы этого проявления. На первый взгляд очевидно, что различие в качестве домов зависит от степени богатства его владельцаиначе — от экономических возможностей. Но это не так. Раз-

НОРМАЛЬНЫЙ ДОМ ГОРОДА СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА.

I. Жилище домовладельца (капиталист).

II. Квартиры нанимателей (мелкий буржуа; мещанин—служащий мещанин—рабочий.

a—f. Комнаты сданные в наем жильцам (идеальный пролетарий: полностью лишенный элементов домашнего хозяйства семьи).

ница в типе «бедного» и «богатого» жилища заключается не в том, что первый строит дом в один этаж, а второй в пять. Дело в том, что один построит замок, другой палаццо, особняк, третий усадьбу, четвертый коттедж, пятый многоквартирный дом, наконец шестой вовсе не строит дома, а наймет квартиру, а то и мансарду, угол в доме пятого и т. д. Различие состоит вовсе не в размерах жилища, не в размерах богатства.

Конечно экономика в этих случаях наличествует, но суть-то в том, что это не голая экономика чисел, а экономика классов. Тут экономика чисел отделяется различием в социальном положении феодального сеньора, городского патриция, помещика, ремесленника, мелкого буржуа, среднего капиталиста, пролетария, мелкого служащего, студента и т. д.

В нашу эпоху сохранилось три основных типа жилищных строений: домик, коттедж — мелкобуржуазный, социальная основа которого — семья как некое производственное и потребительское единство на технической основе — ремесленной технике домашнего хозяйства; многоквартирный дом, — социальная основа которого — мануфактура при техническом соединении ряда коттеджей в один с помощью капитала. Тот же дом на социальной основе развитого капитализма при крупной машинной технике, причем обслуживание потребностей семьи — квартиры переходит к этому многоквартирному дому (центральное отопление, лифт) и городу (благоустройство). Обычно мы имеем дело с незаконченным смешанным мануфактурно-капиталистическим типом. Влияние капитализма на жилище — разложение мещанского типа — заключается в том, что капиталистический город берет на себя ряд функций, ранее безраздельно принадлежащих домашнему хозяйству.

В этих условиях современные споры архитектурных групп о типах жилищ можно было бы определить нижеследующим образом: консерваторы архитектуры бьются за домик, коттедж. Он найдет отклик среди мелких буржуа города и деревни, среди мещан из числа рабочих и служащих[1], он найдет поддержку в крупной буржуазии, которая в коттедже не может не видеть средства распыления пролетариата в индивидуальной организации потребления, чтобы здесь, в жилище, дать бой классовой монолитности, приобретенной рабочим в общественном производстве. Либералы архитектуры строят многоквартирные дома для средней и торговой буржуазии, которые превращают дом в источник прибыли, сдавая его в наем.

Лишь современная крупная буржуазия и финансовый капитал не стремятся извлекать прибыль из дома, строят его для себя. Строят они особняк — лучшая опора новаторов, левых в архитектуре.

Но это не значит, что новаторы и левые в советских условиях являются представителями крупно-промышленного или финансового капитала.

Новаторство[1] является потребностью эпохи социальной революции. На Западе оно ограничено необходимостью приспособления к остаткам старого. К мещанским кварталам, к многоквартирным чудищам городских районов вырастая прибавляются особые Luxus районы. В этих районах недостатки города уничтожаются методами самого же города. Они доступны лишь избранным.

Самое левое течение при капиталистическом строе не может поставить задачу рациональной реконструкции индивидуального жилья, ибо для этого надо реконструировать город, жилье как его обязательный элемент. Реконструировать город, жилье — это значат реконструировать общественные отношения. На базе финансового капитала удовлетворительно этого сделать нельзя. Вот почему Запад может решить, решает и разрешит проблемы технической реконструкции — это будет тот путь, на котором капитализм подготовит условия для социальной реконструкции, но высшее свое завершение формальные искания и техническое развитие найдет в новых социальных условиях. Капитализм может ставить задачи, может заставить решать их, но не позволит их разрешить. Социализм может и поставить и разрешить задачу. В наших условиях формальные[1] левые группы имеют огромное будущее. Они этого на себе еще не ощущают — ведь строительство только начинается; их как некую общественную величину еще не почувствовали — ведь до сих пор их аргументы были аргументами социально-бесформенного экспериментаторства, не больше.

Кстати насчет понимания формального. Содержание — предпосылка формального и процесс изменения содержания является первым условием, стимулом к формальному новаторству. Но завершение, реализация нового содержания, осуществляется в результате, через изменение формы. Старые формы не могут соответствовать новому содержанию. Единство формы и содержания будет состоять в их соответствии.

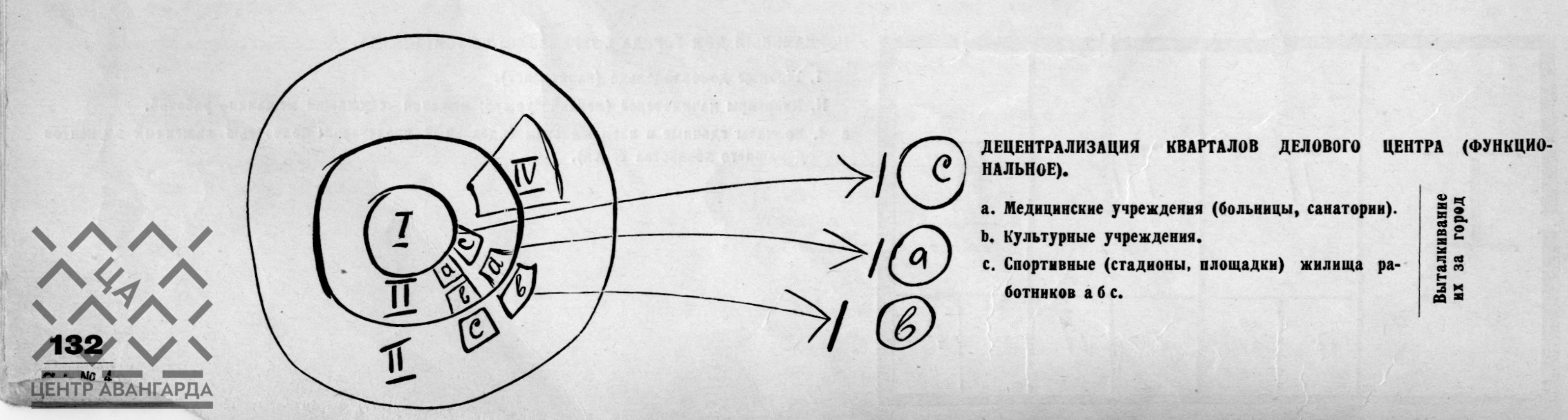
Новому, социалистическому способу производства нужны соответственно новые приемы работы. Новизна их лежит за пределами специальности. Специальность не может их получить сама из себя.

Она должна перестать быть специальностью. Наконец специальность ее должна состоять в неспециальности.

Архитектор-специалист выполнял заказ на конкретное здание (дом, библиотека и т. д.). Архитектор наступающей эпохи имеет задачей построения не здания, но «построение», оформление общественных отношений производственных функций в виде зданий, некую совокупность их. Специалист чинит, перепланировывает города; нужно искать

[1] *Как лица наемного труда они не мещане, но как домашние хозяева, мещане. «Идеальный» пролетарий не имеет никаких, в том числе и домашних, средств производства.*

[1] *Оговариваюсь, речь не идет о так называемых формалистах — эти отрывают форму от содержания, культивируют ее самоё.*

ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ КВАРТАЛОВ ДЕЛОВОГО ЦЕНТРА (ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ).

a. Медицинские учреждения (больницы, санатории).
b. Культурные учреждения.
c. Спортивные (стадионы, площадки) жилища работников а б с.

Выталкивание их за город

формального[1] выражения социальному, производственному (функциональному) содержанию. Дом, город перестают быть объектами строительства. В новых условиях разрешить конструкцию хотя бы индивидуальной кабины можно лишь в результате построения целых отраслей промышленности (автомоторной, строительной и питания в первую очередь), причем внутренняя конструкция этой кабины целиком будет зависеть от того, существуют ли эти отрасли индустрии вне здания или нет.

Нужно соответственно требованиям эпохи изменить и представление о природе возможного. Так, с точки зрения специального на малом участке земли можно построить большой дом лишь ввысь и вниз. Так, многоэтажный дом можно построить из очень крепкого материала и на здоровом фундаменте. Так, на узком пространстве благоустройство города обходится дешевле, чем на широком.

Выходит, что скученный город, — это неизбежный результат технических и экономических возможностей? Выходит, что всякое иное разрешение вопроса экономически невозможно, технически невозможно?!

Мы покажем далее, что все это будет скоро не только возможным, но и экономически и технически обязательным, неизбежно выгодным.

Но для этого нужно подойти с меркой нового способа производства.

ЖИЛИЩНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ И ЖИЛИЩНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИ НОВОМ СПОСОБЕ ПРОИЗВОДСТВА

Эпоха промышленных переворотов не кончилась. Объектом переворотов становятся континенты, народы. Теперь очевидно, что индустриализация изгонит аграризацию из ее огромных пространственных позиций.

Эпоха промышленных переворотов не кончилась. Стирается грань между городом и деревней. Аэроплан Генри Форда, засеивающий 15 *км* в час, сгонит с полей живую рабочую силу. А финансовый капитал Запада пожрет носителя ремесленной техники в земледелии. Очередь за остальным домашним хозяйством. Мы имеем индустрию зерна, муки, хлеба. Предстоит техническая революция в области приготовления основных продуктов питания. Нет еще фабрик питания, есть пока лишь фабрики-кухни. Это в значительной степени мануфактурная форма[2].

---

[1] *Я не говорю материального, чтобы избежать тавтологии, ибо и социальное, производственное также материальны.*

[2] *Сведения о переворотах в этой области имеются. Это — способ моментальной электрической варки пищи, открытый в Англии. Некоторые наши умники из медицинской среды отнеслись к нему отрицательно: витамины де пропадают... Как будто теперешняя гнусная стряпня основана на витаминозности. В жизни побеждают способы производства, а не представления, хотя бы и очень глубокомысленные, гигиенистов.*

Бешеный рост средств механического транспорта и связи с каждым днем уменьшает зависимость человека от дома. Напротив, дом становится все более зависимым от общественного производства и транспорта. Более того, он может рухнуть, если этого потребует транспорт. Впрочем, хотя мы быть может и не замечаем этого, он рушится, рушится одновременно с городом, ибо вне города он стал невозможным, а в городе — в городе он неизбежен лишь до тех пор, пока существует сам город.

Карфаген должен быть разрушен!

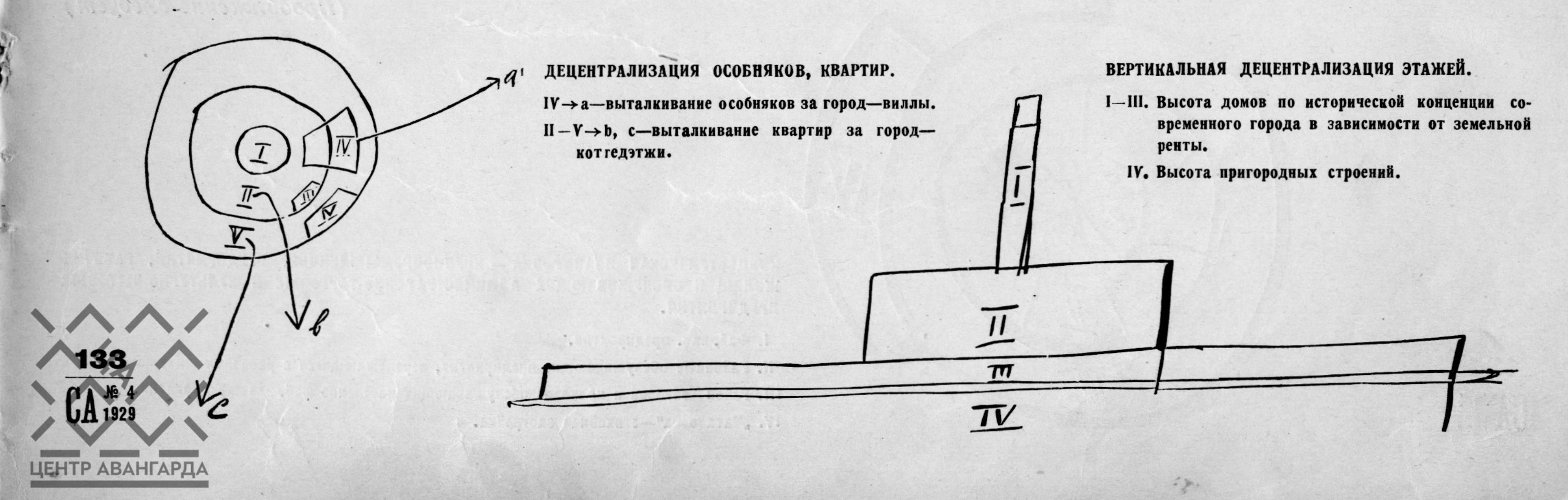
ГОРОД ДОЛЖЕН ПОГИБНУТЬ В РАЗВАЛИНАХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА, ИБО ГОРОД БЫЛ ПОТРЕБНОСТЬЮ ТОВАРНО-КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА. ИСЧЕЗНУТ ЭТИ ПОТРЕБНОСТИ, ИСЧЕЗНЕТ И САМ ГОРОД, ИХ ПРОДУКТ. ГОРОД ЕСТЬ ФОРМА, УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЭТОГО ОБЩЕСТВА.

Капиталистический город (так же как и бург) не есть некая сумма людей, живущих в «одном» месте. Вообще пространственная трактовка города никуда не годится. С точки зрения какого-нибудь статистика на пустынной территории возле полярного круга живет, скажем, 3 чел. на кв. километр. Считать тундру городом? Ведь тундра тоже пункт, а город тоже район территории. Очевидно, что нет. Но ведь не плотность же делает город — городом а тундру — пустыней. Можно построить переполненный дом за городом и все же никакая норма плотности не превратит его в город.

Город (как и бург), — это конкретное общественное, а не территориально-организованное человеческое единство. Если все дома обеспечены домашним хозяйством на 100% и если приезжие пользуются гостеприимством горожан, город на 100% будет свободен от ресторанов, гостиниц, прачечных. Но город никогда не сможет существовать без рынка, магазинов, ибо он производит постольку, поскольку продает, потому-то он и город. Он никогда не сможет существовать без театра, аптеки, врачей, по тем же самым причинам. Ведь актер, врач, фармацевт как ремесленники существуют не для удовлетворения культурной потребности, а потому, что они могут продать свою продукцию и в меру того, сколь потребитель окажется платежеспособным.

Город, это экономический и культурный комплекс: нельзя построить город из одних магазинов или из одних аптек, или из одних театров, одних жилищ прежде всего потому, что они не смогут в таком виде существовать, как не могут существовать отдельные члены тела вне организма. И территория и плотность в таких пунктах будут, быть может, налицо, но города все же не будет.

Речь значит идет о том, чтобы выяснить, должны ли существовать вечно эти различные функции в одном теле — городе или в отличие от живого организма эти функции будут оторваны друг от друга. Иными словами, неизбежен ли рост огромных скоплений, в том числе и «социалистических» скоплений, людей, зданий и т. д. в одном пункте или нет? Посмотрим, чем объединяются люди в одном месте,

ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ОСОБНЯКОВ, КВАРТИР.
IV→a—выталкивание особняков за город—виллы.
II—V→b, c—выталкивание квартир за город—коттеджи.

ВЕРТИКАЛЬНАЯ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ЭТАЖЕЙ.
I—III. Высота домов по исторической концепции современного города в зависимости от земельной ренты.
IV. Высота пригородных строений.

из чего вытекает их тяготение друг к другу, откуда эта могучая центростремительная сила (см. схему).

Революция в транспорте, автомобилизация территорий перевертывает все обычные рассуждения по поводу неизбежности скученности и скоплений зданий и квартир.

Вообразим себя членами разгрузочной комиссии (при условии автомобилизации страны). Нельзя ли разгрузить город от ресторанов, столовых (допустим, что домашнего хозяйства нет)? Можно, если организовать быструю доставку пищи мне в жилище или доставку меня во вне города находящуюся огромную фабрику, комбинат фабрики, огородных, садовых, зерновых, птицеводческих, скотоводческих и пр. совхозов. Можно ли разгрузить город от прачечных, бань с помощью доставки белья в общественные прачечные или в отдаленную баню? Конечно можно. Библиотеки? Не только можно, а нужно. Система заказов на любую книгу из любого «города», любой библиотеки и организации доставки книги обеспечит расцвет подлинной читательской культуры. Магазины? Заказы, доставка и возможность лично осматривать продукты решает все.

Однако жилище за «город» еще не ушло, а мы торопимся лишить его канализации.

Вернемся к жилищу. Если не будет домашнего производства, что будет объединять меня в одной квартире с другими лицами? Семейные узы? Но семейные заботы берет на себя машинная техника. Жена, сестра, прислуга,— вся эта живая сила ложится «накладным расходом» на одно общественно-производительное лицо. Революция в технике—массовое производство делает необученную женщину на производстве равноправной работницей с квалифицированными рабочими. Эта же революция делает излишним обучение детей производству на дому.

Женщина неудержимо уходит из домашнего на общественное производство. Она не может нести двойную нагрузку. Она должна освободиться не только от кухни, уборки, стирки, чинки белья, но и от воспитания детей.

Что же объединяет нас в жилище? Общие физиологические потребности, потребности встреч?

Весь мир к нашим услугам, транспорт в первую очередь.

Мы спрашиваем себя, куда мы расселяем «разгруженных» людей и предприятия. Ответ: не по принципам скопления, а по принципу максимальной свободы, легкости, быстроты сообщения, связи.

На место территориальной смежности выступает проблема транспортных и коммуникационных возможностей.

Планировка предприятий должна образовать возможность организации поточного производства в масштабе всего народного (затем мирового) хозяйства. Сырье, переработка его, распределение готового продукта, рабочая сила для производства сырья, для обработки и распределения. Культурные учреждения планируются и специализируются применительно к «интересам» производственной планировки. Включим туда и обслуживающие учреждения — может быть они вовсе не будут фиксированы к определенному месту. Все это соединенное вместе составит один комплекс. Но ведь город был тоже комплекс, уничтожая город, не создаем ли мы новый город? Если угодно спорить о терминологии, пусть этот комплекс будет городом.

Назовем его, скажем, городом Красной планеты коммунизма.

Если же говорить по существу, то этот комплекс будет называться не пунктом, местом или городом, но **процессом**, и **этот процесс будет называться дезурбанизацией**.

Урбанизация,— это явление всеобщего тяготения к центрам производства, центров производства друг к другу, центров торговли к центрам производства, центров культурных к центрам населенным, домов к производственным, торговым и т. д. центрам как местам работы. Чем дальше от центров, тем хуже положение жилища.

Дезурбанизация, — это процесс всеобщей центробежности, отталкивания. Он основан на такой же центробежной тенденции в технике. Форд несмотря или вопреки неблагоприятным условиям, связанным с приобретением земельной собственности, раскрупняет свое производство по пространству специализацией производственных процессов и близостью к источникам сырья. Готовый продукт получается из «встреч» частей в некоей сборочной, а сборочные также подчиняются принципу центробежности.

Исключительный по силе, количеству, качеству и темпу рост средств механического транспорта позволяет отдаляться от центров: пространство тут измеряется временем. Но и время это начинает сокращаться.

Прилагаемая схема дает грубое представление о центробежном принципе планирования строения.

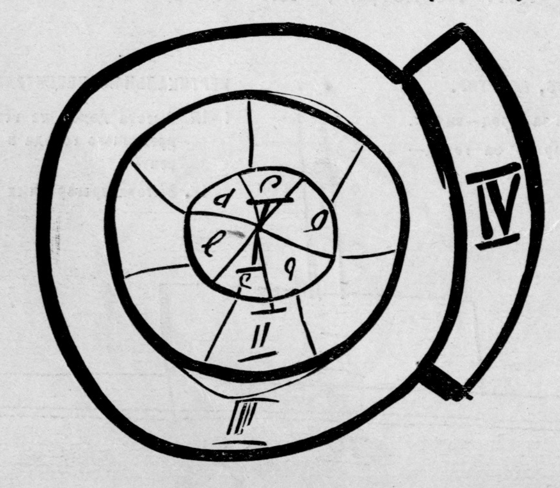
Новый принцип технической центробежности перевертывает все представления. Близость основана при дезурбанизации на дальности, отдельность на общности. Устраняя скученность, скопленность, мы расправляемся и с ее продуктами: очередями, давкой, запахами, шумом, зрительными и другими травматическими действиями городской скученности.

Процесс уничтожения противоречия между городом и деревней не есть процесс урбанизации деревни, как думают некоторые сторонники социалистического города, ни аграризации города. Этот процесс уничтожает зависимость города от деревни как источника сырья—город приготавливает его сам, точно так же, как уничтожает зависимость деревни от города, как промышленного центра, ибо деревня сама становится «центром» промышленности.

Ни горизонтальная (территориальная), ни вертикильная (воздушное пространство) скученность и скопленность не вечны. Они вытекали из центростремительного характера капитализма. Теория социалистических городов есть теория буржуазной формы социализма, и поэтому она утопична, реакционна.

Однако попробуем проверить реальность и революционность нашей идеи дезурбанизации.

(Продолжение следует)

КОНЦЕНТРИЧЕСКАЯ ПЛАНИРОВКА — КРУПНОПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ, РАБОЧИХ ЖИЛИЩ И ОБСЛУЖИВАЮЩИХ АДМИНИСТРАТИВНО-ТОРГОВЫЕ И КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ.

I. Фаб.-зав. предприятия.

II. Районные обслуживающие предприятия, перемежающиеся с рабочими жилищами.

III. Район совхозов и колхозов обслуживающих население фаб.-зав. предприятий.

IV. „Нахаловка"—стихийная застройка.

ДОМ ЦЕНТРОСОЮЗА

ЛЕ КОРБЮЗЬЕ и П. ЖАНЕРЕ

ZENTROSSOIUSHAUS

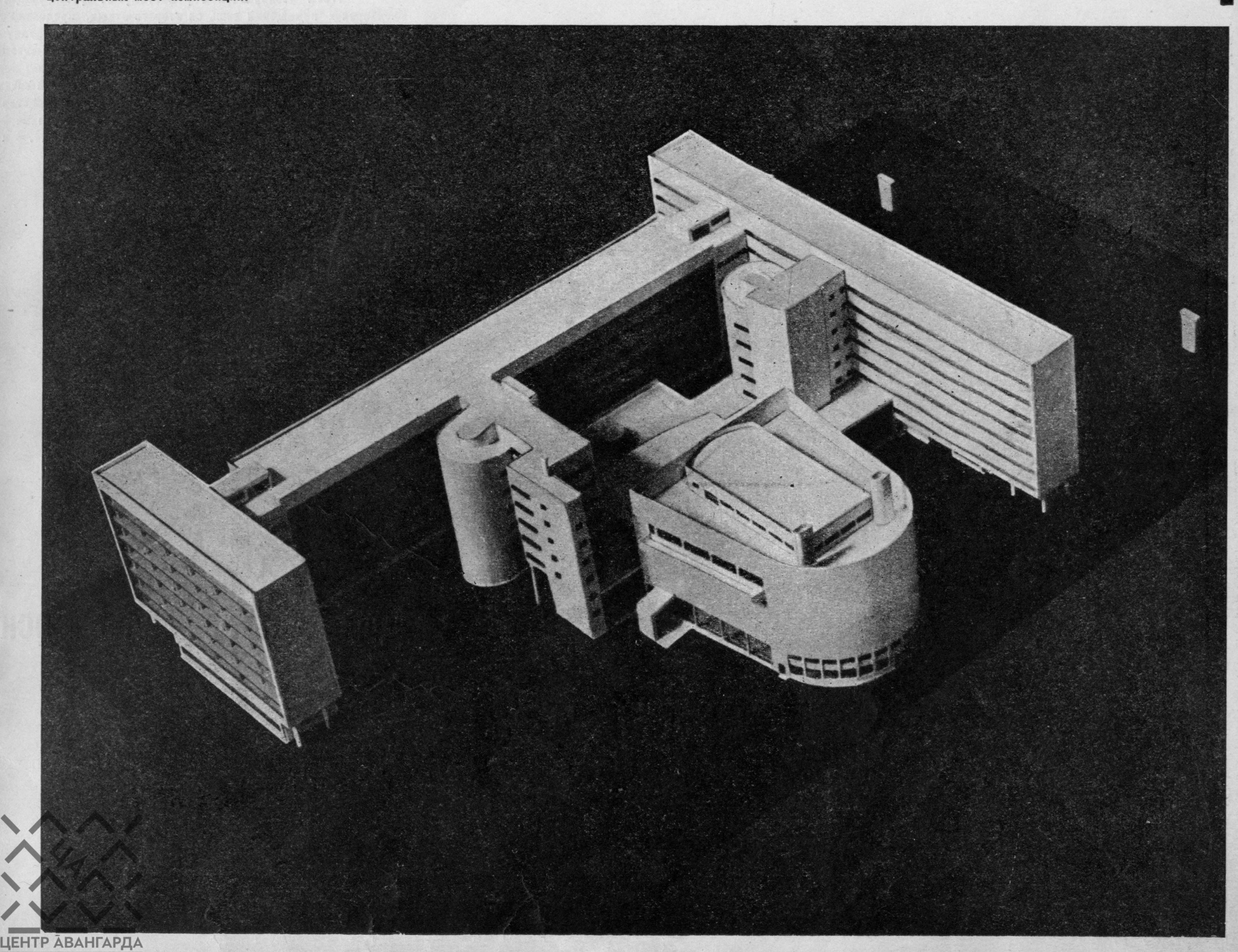
LE CORBUSIER und P. JANNERET

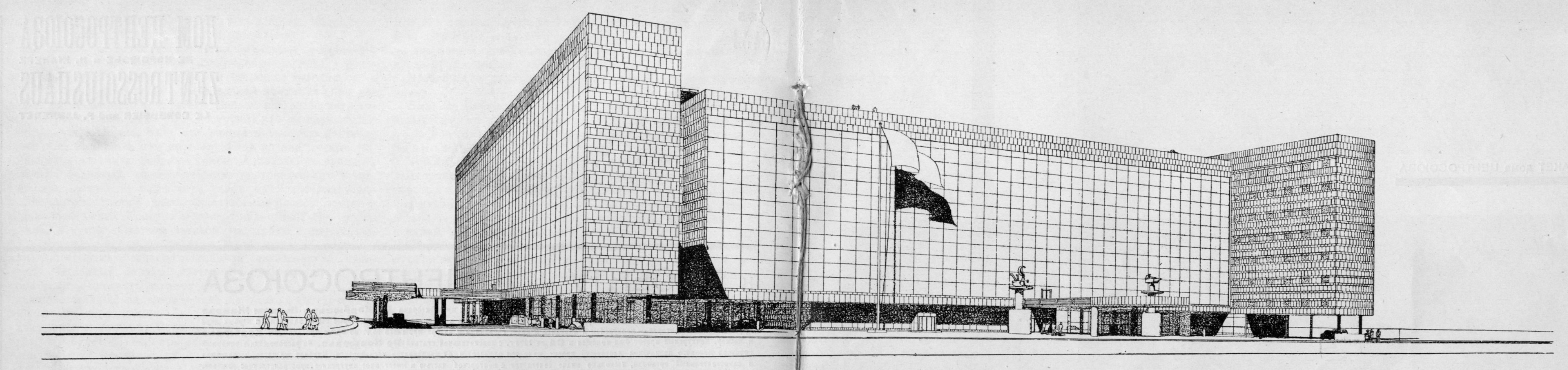
К ПРОЕКТУ ДОМА ЦЕНТРОСОЮЗА

Помещаемый в этом номере проект дома Центросоюза составлен архитекторами **Ле Корбюзье** и **Пьером Жанере** в Париже в январе текущего года по поручению правления Центросоюза в развитие тех идей, которые были заложены в первых двух проектах тех же авторов — конкурсном и варианте к нему, сделанном в ноябре прошлого года во время приезда **Ле Корбюзье** в Москву. Конкурсный проект был помещен в **СА** за 1928 г. с пояснительной статьей **Ле Корбюзье.** По расположению основных корпусов делового назначения настоящий проект мало чем отличается от предварительного проекта. Клубная же часть, выделенная в самостоятельный организм, несколько иначе сочетается с конторской частью и имеет иное внутреннее пространственное решение.

Часть здания, занятая конторскими помещениями, поставлена на столбах с целью дать легкую связь по всему участку, получить защищенные места для стоянки автомобилей и четко выделить систему деловых помещений от сутолоки улицы. Первый этаж застроен лишь постольку, поскольку это необходимо для получения обширного единого вестибюля, являющегося одним из центральных мест композиции.

Макет

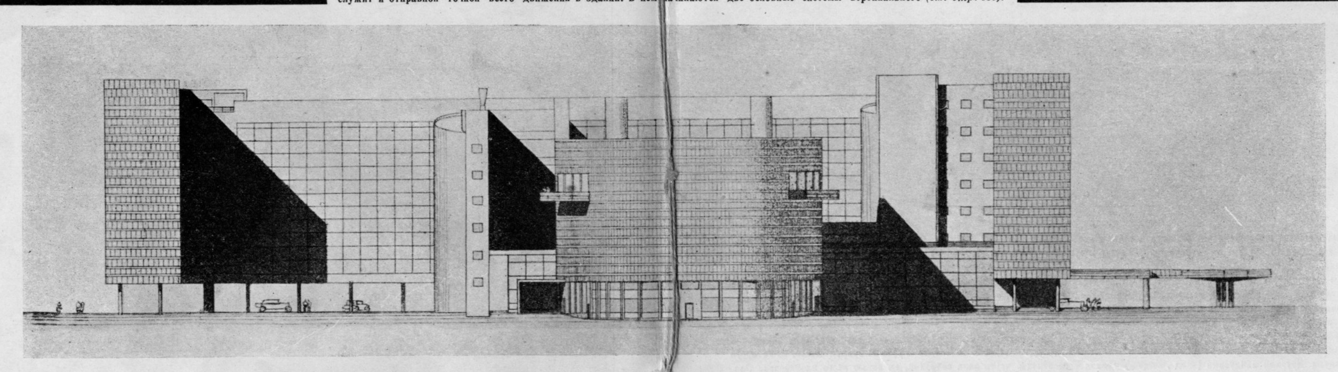

Ле Корбюзье *организует для конторских занятий стройную систему однотипных помещений, где трудовая жизнь идет строго определенным ритмом, где господствует организованность, где нет суеты и где каждому сотруднику отведено определенное место и где каждый исполняет точно очерченную работу.*

Чтобы изолировать эту систему от суеты улицы, от шума, случайности потока посетителей, он начинает всю систему конторских помещений лишь со второго этажа, предоставляя первый этаж улице и организму, сортирующему и обслуживающему посетителей—обширному вестибюлю, промежуточному этапу от улицы к строгому ритму деловых помещений.

В вестибюле расположены гардеробы, телефоны-автоматы, справочное бюро, почта, книжные киоски и пр. В нем организуются периодические выставки громоздких товаров (оборудование хлебозаводов и т. п.). В вестибюле посетитель получает все необходимые ему справки и указания, может вести деловую беседу в специально отведенных местах, и уже до некоторой степени организованно вливаться в деловую часть здания. Таким образом, с одной стороны, стройная, четко выделенная система деловых помещений, с другой—движение и снующая толпа улицы и, как связь между ними — основной вестибюль. Являясь организующим центром композиции, он служит и отправной точкой всего движения в здании. В нем начинаются две основные системы вертикального *(см. стр. 138)*.

ДОМ ЦЕНТРОСОЮЗА В МОСКВЕ—ЛЕ КОРБЮЗЬЕ и П. ЖАНЕРЕ

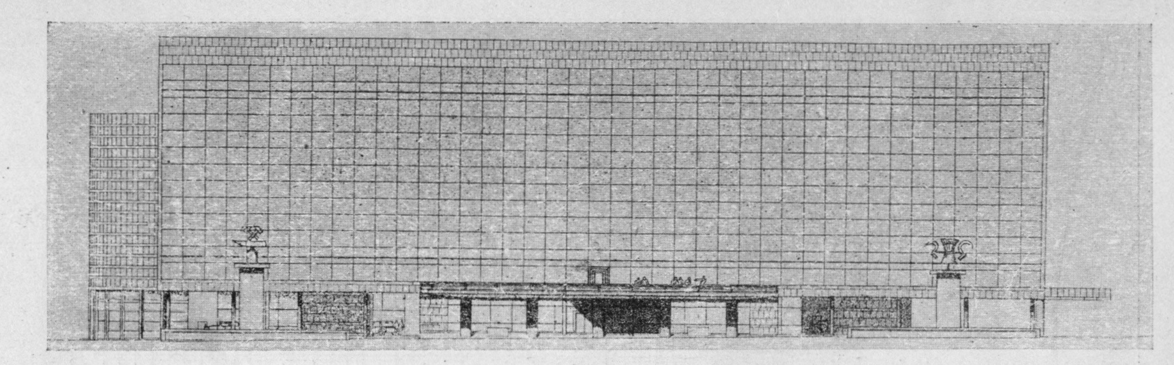
МАКЕТ дома ЦЕНТРОСОЮЗА

движения: система пандусов с группами патер-ностер и подъемников. Ширина пандусов равняется 2,50 *м*, уклон составляет 17%. Поверхность будет покрыта резиной. По высоте вестибюль занимает 2 этажа с мостиками на уровне второго этажа, связующими группы деловых помещений.

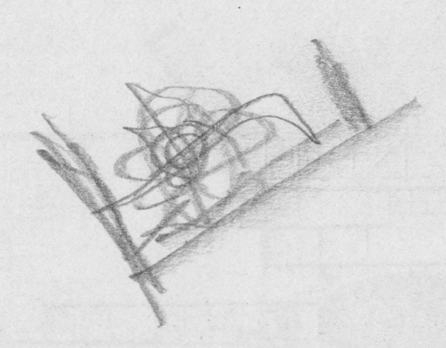
Во втором же этаже, непосредственно примыкая к мостикам вестибюля и врезываясь в его объем, находится двусветное фойе зала клубной части. В третьем этаже над вестибюлем расположена столовая для сотрудников, открытая в сторону фойе и связанная мостиком с верхним ярусом зала собраний. Здесь мы имеем свойственное и столь характерное для **Ле Корбюзье** сильное членение внутреннего пространства **(Ла-Рош, Гарш)** на отдельные переходящие друг в друга объемы: объем фойе врезается во внутреннее пространство вестибюля и сливается в свою очередь в третьем этаже с пространством столовой. Клубная часть имеет свой вестибюль с гардеробом, разделяющим поток публики на входящий и выходящий. Двумя пандусами он связан с фойе во втором этаже, из которого в свою очередь двумя другими пандусами (вход., выход.) наполняется верхняя часть зала собраний, емкостью всего на 800 чел. Зал собраний предназначен для деловых заседаний органов Центросоюза и Потребкооперации. Только в свободное время он будет использован клубом. Акустически он будет сконструирован по принципу, примененному в концертном зале Pleyel физиком Lyon в Париже с исключительными акустическими качествами. При зале находится эстрада с обслуживающими помещениями.

Зал собраний не имеет непосредственного дневного освещения. **Ле Корбюзье** держится мнения, что дневной свет в подобных залах является часто помехой, так как при сценическом действии или кино дневной свет вреден, что же касается больших собраний и съездов, то теперь все доклады почти всегда сопровождаются графическими пояснениями и проекциями, для

Фасад по Мясницкой ул.

которых дневной свет также нежелателен. Наоборот, полное затемнение такого зала при условии больших поверхностей стекла вызывает значительные затруднения.

Над залом собраний расположен гимнастический зал с устройством в его продольных стенах основных конструкций, несущих перекрытие зала собраний. На крыше гимнастического зала находится площадка для игр, а на плоской крыше клубных помещений, вокруг гимнастического зала—беговая дорожка.

Внешнее оформление объемной композиции дано в виде: а) сплошных стеклянных поверхностей — конторские помещения; в) сплошные стены; с) стены с малыми окнами — освещение коридоров. Конструктивная схема каждой из этих систем состоит из двух стенок (стекло или сплошное заполнение) с воздушной прослойкой между ними, по которой с большой быстротой циркулирует поток горячего воздуха зимой или охлажденного летом, изолируя таким образом объем внутреннего воздуха с постоянной температурой в 18° С от внешних влияний. Следовательно, *отопление, в обычном смысле этого слова, заменено „оболочкой" горячей или охлажденной в зависимости от времени года.* Венгиляция регенеративная с возвратом очищенного воздуха. В настоящее время **Ле Корбюзье** детально изучает рентабельность этой системы отопления для наших условий, ставя опыты в École des arts et Metiers [1]. Объем зданий равен 140 500 $м^3$. Площадь конторских и прочих деловых помещений составляет 16 300 $м^2$. Число сотрудников—2 100 чел.

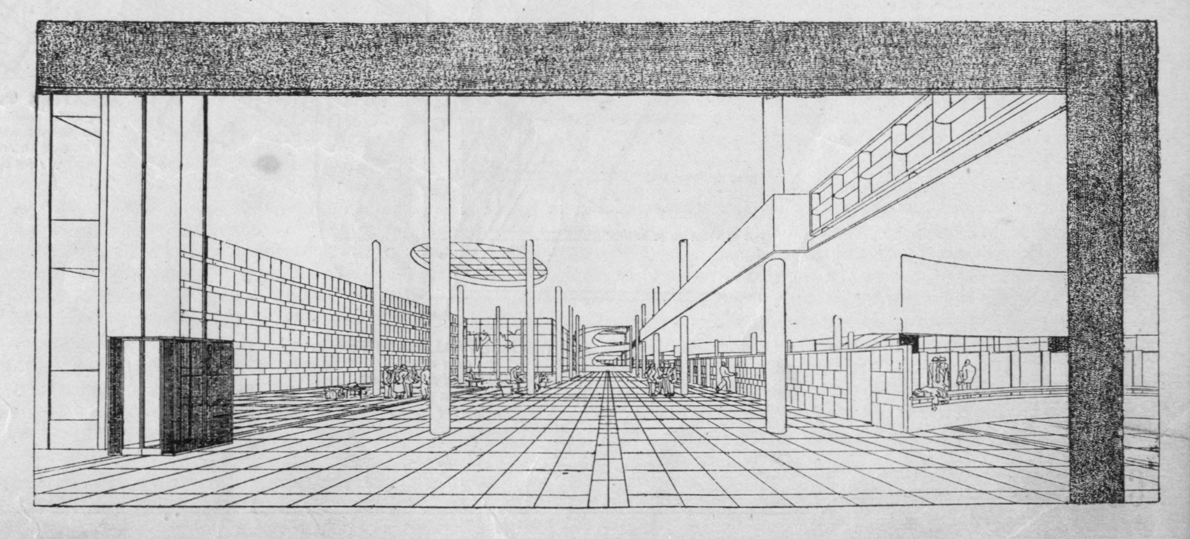
В настоящее время проект, как принятый к исполнению в натуре, детально прорабатывается при непосредственном участии Ле Корбюзье. К постройке частично приступлено, но основные работы развернутся с будущего строительного сезона. В составлении этого проекта в качестве рядового работника принял участие автор настоящей заметки, командированный Центросоюзом вместе с гр. инж. **П. М. Нахман** по просьбе **Ле Корбюзье** к нему в мастерскую с целью увязки проекта его со всеми существующими правилами по строительству, а также органической связи со структурой Центросоюза.

Н. Колли

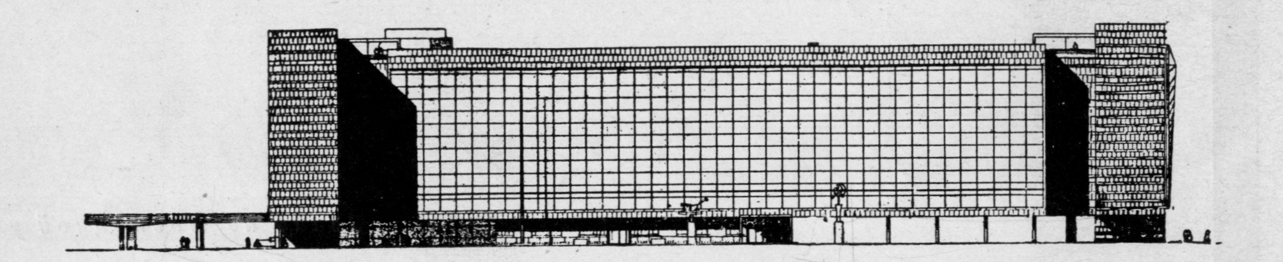
[1] *Конструкция наружных стен предполагает применение Артикского туфа, одновременно работающего как термическая изоляция, так и в качестве материала для внешней обработки стен.*

Вестибюль

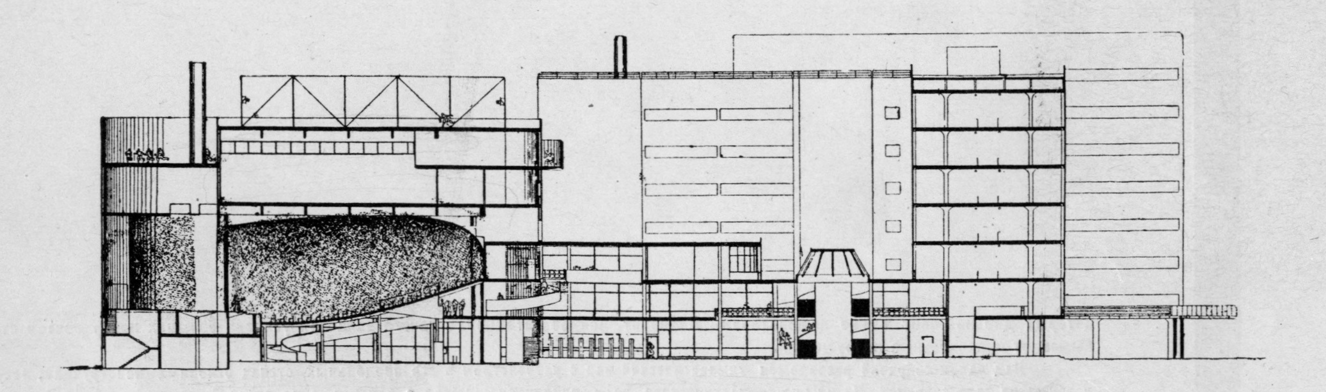

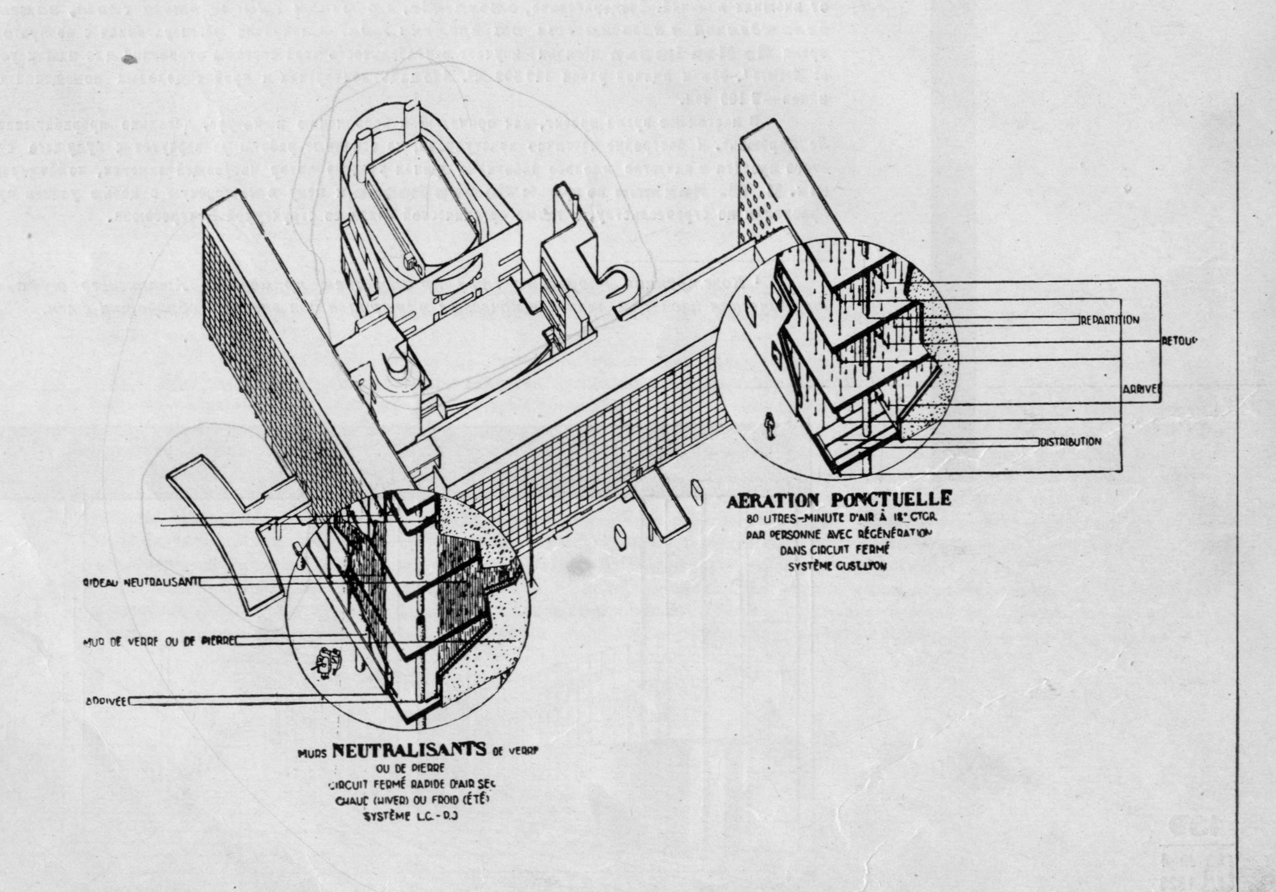

Фасад по Орликову пер.

Разрез

Планы дома Центросоюза в Москве

ФОРМАЛИЗМ

ИДЕОЛОГИЯ УПАДОЧНИЧЕСТВА В СОВЕТСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ

Доклад Р. Я. ХИГЕРА на 1-ом съезде ОСА *(май 1929)*

FORMALISMUS

Vortrag von R. Higer

ALS NIEDERGANGSTIMMUNG IN DER SOWjETARCHITECTUR DER GEGENWART

1. ФОРМАЛИЗМ КАК МИРОВОЗЗРЕНИЕ

В программе работ нашего съезда мой доклад обозначен как доклад о «существующих течениях в архитектуре». Я должен предупредить тт., что время, которым я располагал, не позволило мне, к сожалению, охватить темы во всей ее широте. Я вынужден поэтому ограничиться здесь рассмотрением только одного для нас наиболее интересного течения — формализма. Разобраться в идеологии именно этого течения особенно важно потому, что формалисты пока единственные, кто сумел отчетливо — и притом резко враждебно — противопоставить идеологии конструктивизма в архитектуре свою теоретическую систему, твердо формулированную, и не менее твердо очертить методологию своей практической работы, довольно последовательно вытекающую из теории формализма.

Таким образом, задачей моего сообщения является изложение идеологических основ формализма в архитектуре и критика их в свете нашей принципиальной установки. Совершенно очевидно при этом, что мы не можем — если только хотим достаточно широко и объективно поставить вопрос — не можем рассматривать формализм только как архитектурный феномен. Формализм — это прежде всего мировоззрение, мировоззрение определенного социально-классового происхождения, которое наложило свою неизгладимую печать не только на архитектурную идеологию определенной социальной прослойки, но и на все прочие виды искусства, так же как и науку, созданную этой социальней прослойкой на определенном этапе ее исторического развития.

Рассматривать формализм в архитектуре изолированно значило бы не понять и не охватить проблемы во всей ее действительной широте и сложности. Разрешите поэтому в самых кратких чертах остановиться на формализме, как явлении общеидеологического порядка, с упором, конечно, на его преломлении в искусстве и затем архитектуре.

Современный формализм во всех его проявлениях и разновидностях как мировоззрение, как художественная школа, как рабочий метод и педагогическая система в архитектуре не является характерным порождением революционной эпохи.

Формализм привнесен к нам не Октябрем. Социальные корни этого течения, питающиеся в советских условиях незначительными группами эстетствующей — цехово настроенной — интеллигенции, уводят к социальным условиям и к идеологии господствующих классов дореволюционного прошлого. В общественных условиях того времени формализм являлся закономерным отражением в области идеологий — и в искусстве, в частности — экономических противоречий капиталистического строя — раздробленного, беспланового, индивидуалистического. Именно тогда, на базе глубочайших противоречий капитализма, превративших продукт художественного труда в товар, лишенный определенного заказчика, созданы были объективные социальные условия с необходимостью приведшие к фетишизации искусства и художественных форм, фетишизации, столь характерной и для современного формализма. Тогда и сложилась в основных чертах формалистическая теория искусства, как творчества самодовлеющих «чистых форм», теория, объявившая искусство «самоцелью». Отрыв — в условиях капитализма — художественного труда от практических задач организованного общественного строительства был тогда же теоретически освящен и узаконен буржуазной идеалистической философией, которая создавала так называемые «нормы» своих умозрительных «эстетик» на принципах, видите ли, «незаинтересованности» художественных суждений (Кант, Спенсер), на принципах «эстетических переживаний, организованных в себе самих» (Гегель), «в себе замкнутых и себе довлеющих» (Рихард Гаман). Эти принципы и на сегодняшний день для формалистов — священные принципы. Именно эти умозрительные «эстетики», взращенные буржуазной идеалистической философией, являются подлинным «духовным отцом» идеологии современного формализма в архитектуре. Отсюда и почерпнули формалисты от архитектуры — сознательно и бессознательно — свои «законы», методы своих «исследований» — теоретических и лабораторных, свои «художественные» традиции.

Как мировоззрение, нашедшее свое отчетливое выражение и в современном архитектурном мышлении, формализм характеризуется чрезвычайно поверхностным восприятием жизненных процессов без понимания их внутренней обусловленности. Формализм неспособен постичь за поверхностью вещей и явлений единые материально-социальные силы, их обусловливающие и определяющие. Как типичный идеалист, формалист «видит не единый процесс исторического развития, а пересечение, сочетание и взаимодействие самодовлеющих начал». Это «формальное» восприятие мира очень характерно на всем протяжении истории для буржуазии, приходящей, после бурной эволюции, к зениту своего господства и могущества и — к застою: тогда буржуазный строй представляется «вечным», мир — статичным, динамика развития — отсутствующей, а задачи буржуазной науки на этом этапе исчерпываются поэтому только регистрированием, описанием, подсчитыванием и классификацией разрозненных фактов. И при анализе какого-либо жизненного явления формалисты берут поэтому «не динамику развития, а его, так сказать, поперечный разрез» в отдельный момент времени. «На разрезе обнаруживают они сложность своего объекта (не процесса, ибо они не мыслят процессами). Сложность они расчленяют и классифицируют. Элементам они дают названия, которые сейчас же превращаются в сущности». Так подменяют они мертвой абстракцией реальную вещь и живые процессы. Таким образом, формализм — типичнейший продукт мировоззрения буржуазии, клонящейся к закату.

В наших условиях носителем и рассадником этого формального мировоззрения является, как я уже говорил, главным образом, небольшая прослойка художественной цехово-настроенной мелкобуржуазной интеллигенции, которая унаследовала от капитализма, вместе с оторванностью от социальных задач рабочего класса, непонимание обусловленности искусства общественно-экономическими причинами, жреческую — спецовскую — кастовость и замкнутость и фетишизацию художественных форм.

2. ТЕОРИЯ ФОРМАЛИЗМА В АРХИТЕКТУРЕ

«Рационалистическая эстетика» и «рацис-архитектура». Архитектура «как искусство» и архитектура «как техника». «Пространственная логика». Конструкция «архитектурная» и «техническая» Принцип «экономии психической энвргии» при восприятии. «Законы пропорций».

Современные советские формалисты — верные традициям дореволюционного прошлого — также считают самым характерным и важным в искусстве, «спецификумом» его форму. Объясняя и анализируя то или иное художественное явление,они не считают возможным выходить за пределы этого спецификума, за пределы «законов» самодовлеющих форм. Уклоняться в сбласть общественных наук, искать социальной обусловленности, формалисты считают дилетантством, подменой существенного несущественным, профанацией науки об искусстве. Форму необходимо объяснять и обусловить формой («архитектуру мерьте архитектурой»). Требования, выдвигаемые общественными условиями времени, классом, конкретным социально-психологическим человеческим типом, для них не важны, а если и должны быть учтены, то лишь как третьестепенный, малозначащий элемент и фактор.

С полной отчетливостью видны описанные выше особенности формального мировоззрения в идеологии архитектурной группы «Аснова» (ассоциация новых архитекторов), именующей себя «рационалистами». К сожалению, теоретическая продукция «Аснова», известная нам, незначительна. Печатные литературные материалы, которыми мы располагаем для суждения об идеологии «рационалистов», невелики. Кроме листка «Известий Аснова», выпущенного в 1926 году, и кое-каких статей отдельных формалистов в различных журналах и сборниках, других источников у нас не имеется. Тем не менее и этот — количественно небольшой — материал позволяет установить социальную и идеологическую характеристику «Аснова» с достаточной определенностью.

Лозунг из листка «Известий Аснова» 1926 г.

(Здесь необходимо оговориться. По появившимся за последнее время в печати сведениям основные теоретики и бывшие вожди «Аснова», основоположники формализма в советской архитектуре, в настоящее время вышли из этой организации, создав новую «Ассоциацию архитекторов-урбанистов» (АРУ).

Я думаю, что существа затрагиваемого здесь вопроса это обстоятельство не меняет: от перемены мест слагаемых сумма, как известно, остается неизменной. Что же касается идеологического облика остальной группы «Аснова» в данный момент, то отсутствие каких-либо печатных сведений об этом заставляет воздержаться от выводов. Таким образом, все то, что будет говориться мною в дальнейшем, касается **раннего** периода деятельности «Аснова», связанного с именами, главным образом, проф. Ладовского, Докучаева, Лисицкого и др.)

Надо отдать справедливость лучшим из формалистов в архитектуре — это мыслители до известных пределов последовательные и принципиально выдержанные Они убеждены в своей правоте, и у них хватает мужества при обосновании своих — по существу реакционных — идеологических позиций, называть вещи своими именами, не прикрываясь цитатами из Маркса, Плеханова и Ленина, как частенько водится в таких случаях. В листке «Известий Аснова» теоретики формализма откровенно пишут, что теорию архитектуры необходимо строить «под знаком рационалистической эстетики». Рационалистическая эстетика, идущая от Канта,— это эстетика абстрактных формально-логических схем, витающих вне времени и пространства. Тем самым органическая связь идеологии формализма с разветвлениями буржуазной идеалистической философии — связь, на которую я указывал выше, устанавливается ими самими в достаточно категорической, не подлежащей сомнению, форме.

В чем же заключается теория «рациональной архитектуры», разрабатываемая формалистами «под знаком рационалистической эстетики»? С точки зрения формализма понятие архитектуры образует два начала: «архитектура — искусство, с ее эстетическими и формальными моментами, и архитектура — техника — строительство, с его инженерными конструкциями, учетом экономики и материальной полезности» [1]. На этом резком идеалистическом противопоставлении архитектуры «как искусства» и архитектуры «как техники» построена и заострена вся теория формализма. При построении теоретических основ архитектуры формалисты это второе начало — архитектуру «как технику», презренную «материальную полезность», учет экономики и пр. — отметают. Оно и понятно. Ведь, как я ранее указывал, уже со времен Канта «известно», что художественное творчество может быть только «незаинтересованным». Формалисты же, по существу, — ортодоксальные кантианцы. Поэтому, курс основ искусства архитектуры должен быть с точки зрения проф. Докучаева (и формализма в целом) «только курсом формальных принципов архитектуры, чем подчеркивалась бы основная сторона как курса, изучающего строение архитектурной формы».

С этой точки зрения в теоретические задачи «художника-архитектора» входит только «изучение элементов формы, принципов и законов сложения и сочетания этих элементов в целый архитектурный образ». (Между прочим, термин «архитектор-художник» всячески смакуется формалистами и как нельзя лучше согласуется с их дуалистической теорией. Я думаю, что и против этого термина нам нужно повести борьбу, противопоставив ему интегральную характеристику — «архитектор».)

Конечно, — спешат оговориться формалисты — они и с техникой «считаются». Но, поучают они, никогда не нужно забывать, что в архитектуре «начала искусства доминируют над началами техники». Начала искусства «дают идею, принцип общей формальной организации, а техника — реальные средства к воплощению архитектурной идеи (техника — строит)». Поэтому, излагая основы теории архитектуры, можно, — по формализму, — о технике, как о подчиненном формальной идее элементе, совсем не упоминать. Да и к чему о ней упоминать, если — по формализму — техника все построит, если она все может выполнить. В этом смысле — и только в этом смысле — нужно «считаться» с техникой по представлению формалистов. Еще отчетливей и конкретней выражена мысль о взаимоотношении техники и архитектуры (в трактовке формализма) в другом положении листка Аснова. В статье о «Небоскребах СССР и Америки» указывается, между прочим, и следующее:

[1] *См. сборник материалов ГУСа по художественному образованию, Гиз, 1927. Программа курса «Основ искусства архитектуры», составлена проф. Докучаевым.*

«Элементарное требование, которое мы должны предъявлять к архитектурной обработке поверхности небоскреба, состоящей из стоек, балок и витража, есть положение, что конструктивные элементы, составляющие фасад, должны быть подчинены пространственной логике... они (конструктивные элементы), должны выражать пространственные соотношения с надлежащей степенью точности. Пренебрежение этим положением в обработке поверхности лишает ее основных архитектурных качеств».

И в доказательство этого положения один из формалистов (Кринский), приводя проект небоскреба, демонстративно наклоняет стойки его каркаса, чтобы добиться ему одному понятной «пространственной логики». Неважно, что эта «пространственная логика» идет наперекор всякой конструктивной логике. Техника, видите ли, все построит, а ведь без «выражения пространственных соотношений» не может быть «искусства архитектуры». Поэтому, — да здравствует «искусство архитектуры», попирающее технику!

Что же это за странная «пространственная логика», идущая вразрез с нормальной человеческой логикой? Оказывается, она вытекает из «сущности» архитектуры. Архитектура же, — говорят формалисты, — служит «высшей» технической потребности человека — «ориентироваться в пространстве». (Замечу в скобках, что деление человеческих потребностей на «высшие» и «низшие», эта своеобразная «табель о рангах» в области наших переживаний, является для идеализма роковым и неизбежным.)

Чтобы в совершенстве выполнять эту функцию — способствовать ориентировке человека в пространстве, — архитектура должна быть — по формализму — «рациональной». Но не подумайте опять-таки, что архитектурная рациональность в представлении формалистов есть нечто осязательное, связанное с практической целесообразностью и реальным языком цифр. Правда, эта рациональность зиждется, как говорят формалисты, на «экономическом принципе», так же как и техническая рациональность. Но это — экономика особенная. Не забывайте, что формалисты «возвышенные» люди искусства. Верные «рационалистической эстетике» они оперируют экономическим принципом не в области низменной «материальной полезности», а в сферах невесомых материй и бесплотных идей.

И если техническая рациональность есть — по определению формалистов — «экономия труда и материалов при создании целесообразного сооружения», то архитектурная рациональность — это уже «экономия психической энергии при восприятии сооружений». Так как эту мистическую «экономию психической энергии» ни в каких единицах — кроме божественных — не выразишь и не измеришь, то формалисты, уверенные, что их в обмане не уличишь, спокойно добавляют: «Синтез этих двух рациональностей (технической и архитектурной) в одном сооружении и есть рациоархитектура» [1].

Таким образом, легко видеть, что «архитектурная рациональность», базирующаяся на «экономическом принципе» не при создании целесообразного сооружения, а при восприятии его, есть типичнейшая идеалистическая фикция. Следовательно, пресловутая «рациоархитектура» есть нечто, существующее только в воображении формалистов и в высших сферах «рационалистической эстетики», но никак не в реальной действительности.

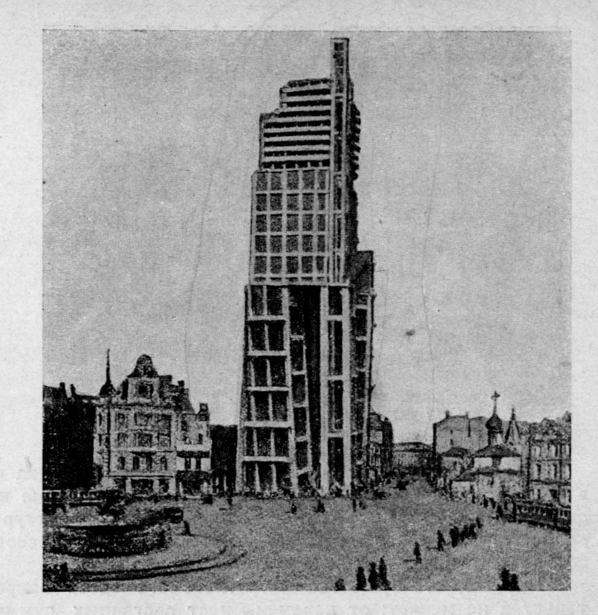
Здесь интересно отметить, отклоняясь несколько в сторону, что формалисты, как махровые, во всем верные себе идеалисты, отличают в человеческом существе при обосновании своей «рациоархитектуры» целых три самостоятельных вида энергии: «физическую», «умственную» и «психическую» или «чувственную». И даже «экономику» формалисты старательно очищают от материализма, от ее общественной сути, сводя ее только «к экономии физической энергии».

В стенограмме доклада проф. Ладовского на конференции окончивших Вхутеин (в 1929 г.) мы читаем:

«Мы все время слышим от хозяйственников, экономистов, политиков — и это понятно (понятно ли? — *Р. Х.*), что вся наша жизнь строится на экономике. Причем экономика понимается определенным образом — *в смысле экономии затраты физической энергии человека»* (!). (К сведению проф. Ладовского нужно сказать, что экономика не только так понимается политиками, экономистами и пр. Экономика для материалиста — это прежде всего совокупность общественных отношений, возникающих на данном уровне производительных сил и являющихся основой всего общественного развития.) Читаем дальше:

«За последнее время стали прибавлять (кто? — *Р. Х.*) экономику умственной энергии. Что же касается экономии чувственного порядка, энергии психической, то об этом пока никто

[1] *Н. Ладовский, Основы построения теории архитектуры, «Известия Аснова», 1926.*

Проект формалиста. Небоскреб на Лубянской площади в Москве.

ничего не говорит. Я считаю, что вот эта экономика и является тем базисом, на котором современная архитектура должна строить свою теорию. Если архитектор обслуживает чувства человека, он должен обслуживать таким образом, чтобы эти чувства затрачивались экономней, чтобы он свои чувства затрачивал на восприятие главным образом (??) пространственных величин, пространственных объектов. Именно в этой плоскости и заключается организация его психической энергии на принципе экономии восприятия» [1]. (Подчеркнуто мною — *Р. X.*)

Заметьте, что эти старинные идеалистические басенки об энергиях «чувственной», «умственной», «физической», «психической» и пр. говорятся в эпоху, когда под всю психику подводится единство физико-химической энергетики, в эпоху ионной теории нервного возбуждения и учения о рефлексах. Какая «прогрессивность» «рационалистической» мысли, не правда ли?

Чтобы дать пример действительно научной—хоть, правда, далеко не исчерпывающей — постановки вопроса о сущности восприятия, в котором запутался проф. Ладовский, я приведу здесь небольшую цитату из одной статьи академика Лазарева, автора ионной теории нервного возбуждения. Он пишет: «Изучение деятельности органов чувств с точки зрения развиваемой нами ионной теории возбуждения приводит нас к заключению, что мы должны рассматривать всю деятельность животного и человека как ряд сложных процессов физико-химического характера, начинающихся в наших нервных окончаниях под влиянием раздражителей внешнего мира и кончающихся в головном мозгу. С точки зрения развиваемой теории организм представляет собою сложный физико-химический механизм, отвечающий на раздражение внешнего мира... В полном согласии со взглядом на организм, как на физико-химическую машину, стоят и те исследования над законом сохранения энергии, которые были проделаны главным образом в Америке. С этим же воззрением находится в связи и замечательное исследование академика Павлова, показавшего, что сложные процессы психической жизни животного могут быть разложены на ряд элементарных физиологических процессов, на ряд безусловных или условных рефлексов» [2].

Приводя эту цитату, я вовсе не хочу сказать, конечно, что явления эмоции, мысли и пр., являясь другой стороной физико-химических процессов организма, не обладают какой-то своей относительной специфичностью и что их нужно отбросить в нашей теории, заменив механической схемой рефлекса. Я хочу только подчеркнуть, что *при научном изучении проблем восприятия, связанных с так называемой «психической» жизнью, нужно ориентироваться на подлинную науку и связаться именно с ней*, а не с таким идеалистическим недоноском, каким, в сущности, является архитектурный формализм.

Дальнейший ход рассуждения формалистов предопределен предыдущим. Архитектура должна способствовать экономии психической энергии восприятий. Чтобы этого достигнуть, необходимо, оказывается, работать над «выразительностью формы». Форма обладает рядом «качеств». Здесь формалисты перечисляют: «качества геометрические, физические, физико-механические, логические». Эти качества необходимо подчеркнуть, выявить, выразить, чтобы экономить психическую энергию при восприятии. Как достигнуть этой «выразительности»? По теории «рацио архитектуры» — введением в форму ряда элементов, «которые не являются техническими или утилитарными в обычном смысле слова» и которые можно рассматривать «как архитектурные мотивы». Эти неутилитарные архитектурные мотивы формалисты называют «архитектурной конструкцией» в противовес утилитарной технической конструкции. Здесь формалисты снова возвращаются к роковым для них взаимоотношениям техники и архитектуры.

Если, — рассуждают они, — в качестве этих архитектурных мотивов, выявляющих качества формы, способствующих ее выразительности и экономящих психическую энергию восприятия, может быть полностью использована видимая техническая конструкция, то тогда — теоретически размышляя — мог бы создаться «синтез техники и архитектуры». Но так как в практике рацио архитектуры этого «синтеза» никогда не бывает, т. к. всегда — по представлениям формалистов — существует неизгладимое противоречие между так называемыми «утилитарной сущностью» и «художественным замыслом» вещи, то ими и вводится для целей формальной выразительности эта «неутилитарная», «художественная», «архитектурная конструкция». Надо сказать, кстати, что здесь у формалистов, даже по части формальной логики не все обстоит благополучно. Если рацио архитектура есть, как мы уже знаем, «синтез технической и архитектурной рациональности», то эти «рациональности» должны быть — по смыслу слова «синтез» — *органически* взаимообусловлены и соподчинены в рациоархитектуре, а не находиться в состоянии противоречия. В формальной же концепции «рациоархитектура» есть не синтез, а механическое соединение двух совершенно несоизмеримых элементов, которые можно было бы разъединить, отсечь друг от друга без всякого ущерба, если не с пользой для обоих, — для техники и для этого самого «искусства архитектуры».

Но возвратимся к «архитектурной конструкции» формалистов. Эта архитектурная конструкция сводится у них либо к «рельефным членениям» поверхности формы, либо к нарочито выдуманной форме, либо к «деформациям формы», либо к той или иной фактурной обработке материала и т. д. Этим путем может быть достигнута — по уверениям формалистов — и «геометрическая характеристика» формы, и «выявление массы и веса», и «выражение механических усилий» в архитектуре и т. д. На этой основе можно достичь — по формализму — «величия» и «низменности» архитектурных форм, «конечности» и «бесконечности» и пр. атрибутов, о которых благочестиво упоминается в воскресной пасторской проповеди.

Любопытно отметить при этом, что формалисты, скромно называющие себя «продуктом нашего времени, полного динамизма и энергетики» [1], вполне солидаризируются с такими любителями древностей как эклектики и «классики» в вопросах «законов» пропорций и отношений, установленных Витрувием, Палладио, Виньолой, Серлио и др. Они считают, что следование этим классическим «законам» пропорций вносит, видите ли, «гармонию в архитектурную композицию». Правда, они добавляют при этом, что необходимо «вносить поправки к этим теоретическим и канонизированным построениям пропорций и отношений», поправки, «для корректирования некоторых оптических иллюзий, являющихся следствием перспективных деформаций архитектурной формы». Но, в общем, все классические принципы: «модульность», пресловутое «золотое сечение», пропорции, основанные на арифметических и геометрических отношениях и прогрессиях, принимаются ими — по всем имеющимся данным — целиком и полностью. Причем эти «классические принципы» понимаются формалистами именно как канон и догма. Что это так, мы можем судить хотя бы по программе курса «Основ искусства архитектуры», которую я уже цитировал, составленной проф. Докучаевым, утвержденной, как это ни странно, Гос. ученым советом и опубликованной Гизом в «Сборнике материалов по художественному образованию». Эту программу я настоятельно рекомендую вашему вниманию, так как все пороки формализма, о которых я здесь говорил, представлены там в чрезвычайно выпуклой и яркой форме. В этой программе мы читаем: «...так как выявление даже элементарных форм архитектурной плоскости или двугранного угла ставят учащегося в необходимость решать уже композиционные задачи, то необходимо ознакомить его с пропорциями и отношениями по крайней мере самыми простыми и распространенными напр. 1:2, 2:3, 3:5, 5:7, причем эти отношения (т. е. 1:2, 2:3 и т. д. — *Р. X.*) должны быть освещены как мера (модуль), долженствующая регулировать все архитектурные формы, все части и весь строй». Нетрудно видеть, что здесь налицо полное повторение древних принципов античных орденов», основанных на каббалистике числа в архитектурной форме.

Мне хочется здесь также отметить, что в этом пункте формалисты отступили намного «вправо» даже от позиций Гильдебрандта—как известно, одного из буржуазных основателей формального метода, которого они местами — в других вопросах — почти дословно повторяют.

О пропорциях Гильдебрандт писал и, надо сказать, справедливо писал следующее:

«...все так называемые учения о пропорциях, установленные для искусства, в самой основе своей являются результатом недоразумения. Необходимые пропорции должны быть каждый раз

[1] *Цитирую по стенограмме, не выправленной докладчиком.*

[2] *Академик П. Лазарев, Успехи биологической физики в СССР за последние годы, 1927.*

[1] *См. статью Н. Докучаева в «Советском искусстве»:—Современная русская архитектура и западные параллели, 1927 год, № 1 и 2.*

заново созданы и извлечены из художественного произведения, как целого... причем это целое ни в каком случае не может быть только суммою раз навсегда определенных частных пропорций».

(«Проблема формы в изобразительном искусстве». Изд. «Мусагет», М. 1914, стр. 24. Подчеркнуто мною. — *Р. Х.*)

Таким образом, как явствует с очевидностью из предыдущего, формалисты капитулируют в этом вопросе перед эклектиками и «классиками», для которых вне «вечных» законов пропорций архитектура немыслима. Это очень сближает течение «рационалистов» с убежденными отечественными консерваторами в архитектуре, вроде академика Желтовского.

Вообще же говоря, и вся теория формализма в архитектуре, настаивающая на введении в архитектурную форму ряда «неутилитарных архитектурных мотивов» для целей формальной выразительности, лучшей ориентировки в пространстве и «экономии психической энергии восприятия», вся эта теория могла бы быть полностью и весьма логично использована современными эклектиками и классиками, будь они немного поумнее. Они могли бы не без основания говорить, что стильные колоннады, модульоны, завитушки, аркады и пр. декоративные и налепные элементы, вводимые ими в фасады, что они именно и являются теми «неутилитарными архитектурными мотивами», той «архитектурно-художественной конструкцией», которая необходима — по формализму — для выразительности форм, без которых архитектура не есть архитектура. Они могли бы говорить, что, по существу, классические декоративные элементы так же необходимы архитектуре, как необходимы — по воззрениям формалистов — скажем, всем известные налепные круги, вписываемые в плоскости параллелепипеда для выявления, видите ли, геометрических свойств последнего. Между эклектиками и формалистами разница таким образом не принципиальная, не качественная, но — количественная. Я думаю, что декоративность эклектиков и декоративность формалистов, отличаясь формально друг от друга, проистекает, повидимому, из одинаковых социально-идеологических корней: из психоидеологии нетрудовых прослоек буржуазного общества, маскирующей рабочие элементы сооружения во имя все той же «возвышенной» и «вечной красоты».

3. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ФОРМАЛИЗМА.

Не безынтересно будет отметить при этом, что у формалистов, видимо, все же существует... «совесть». Они, надо полагать, отлично сознают полнейшее несоответствие своей теории практическим архитектурным потребностям сегодняшнего дня. Поэтому они спешат лицемерно прикрыть эту худосочную теорию довольно революционной — почти «конструктивистской» — фразой, несмотря на то, что она резко противоречит и теории, и практике формализма.

В программе курса «Основ искусства архитектуры» проф. Докучаев пишет между прочим и следующее:

«Архитектурная форма может быть совершенной только при удовлетворении следующих требований: 1) чтобы она соответствовала материалу, техническим конструкциям, ею используемым, 2) чтобы она отвечала целям или назначению сооружения и 3) была бы так оформлена, чтобы с минимальной затратой энергии воспринималась ясно и четко во всей своей формальной организации и сопоставлении частей и целого».

Против этой формулировки, где формальному элементу отведено последнее и, повидимому, подчиненное место, возразить можно было бы не так уже много. Но все дело в том, что с формализмом это положение ничего общего не имеет. В этом можно убедиться воочию, заглянув, помимо всего прочего теоретического материала формалистов, и в статью того же проф. Докучаева об архитектурном факультете Вхутеина в сборнике «Архитектура Вхутемаса», где он характеризует педагогическую систему формализма в высшей школе. Из этой статьи видно, что формалисты не только не пытаются сблизить свое понимание архитектуры с техникой и практическим назначением сооружения, но, наоборот, доводят преклонение перед абстрактной архитектурной формой, оторванной от реальной экономики и конструкций, до степени какого-то нездорового сектантского культа, в котором и воспитывается студенческий молодняк первых двух курсов.

В самом деле, какова эта педагогическая система в изображении проф. Докучаева?

«Художественные дисциплины, — пишет Докучаев, — прорабатываются практически на основе формального психоаналитического метода». Термин «психоанализ» употреблен здесь проф. Докучаевым, повидимому, непродуманно и случайно и с Фрейдовским психоанализом, надо полагать, ничего общего не имеет. Тем не менее, пользуюсь случаем указать, что между психоанализом Фрейда и «психоанализом» формалистов при желании возможно было бы действительно установить довольно глубокое сходство. И то, и другое учение — и формализм, и фрейдизм, — обладая кое-какими положительными сторонами, — в целом абсолютно ненаучны, представляя, в сущности, гадание на кофейной гуще интуитивных догадок и произвольных толкований действительности. Но это — между прочим. К чему же сводится конкретно этот самый «психоаналитический метод» преподавания формалистов?

Как пишет проф. Докучаев, — «к раздельному и последовательному по сложности изучению формальных закономерностей художественных форм, их элементов, свойств и качеств на основе психофизиологии восприятия».

Справедливость требует отметить, что старая психофизиология восприятия, о которой говорит проф. Докучаев, очень туманная и почти совершенно неразработанная научно область. Только в самое последнее время учение о рефлексах, о которых формалисты даже не упоминают, обещает внести ясность и строгую научность в эту сферу исследования. Поэтому, говоря о «психофизиологии восприятия», на которую, якобы, они опираются, формалисты заведомо опираются на пустое место и обрекают свои формальные построения и «закономерности» на полнейший произвол и невозможность обосновать их научно.

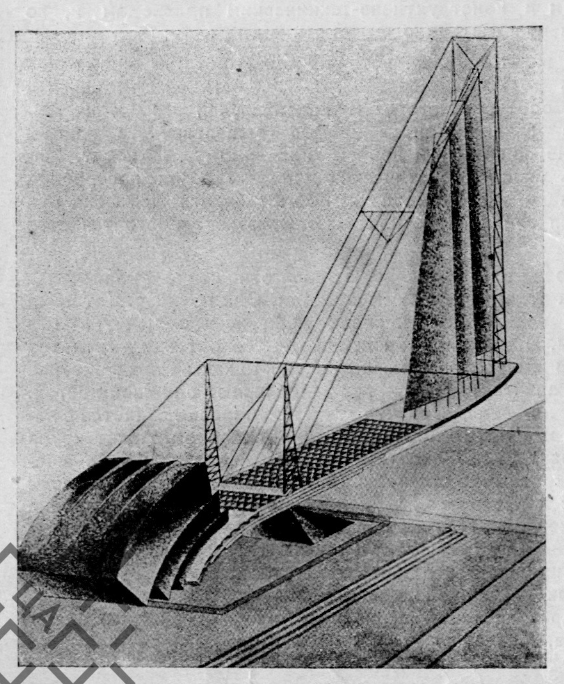
В чем же заключается «последовательность изучения формальных закономерностей» в архитектуре, о которой пишет проф. Докучаев? На первом курсе Вхутеина, на так называемом «основном» отделении, студентам даются такие задания: первое задание — на построение выразительной плоской поверхности; второе задание — на построение выразительности объема, третье задание — на построение выразительности массы и веса объема, четвертое задание — на построение выразительности формы ограниченного пространства.

Как видите, ни одного слова об архитектурном плане, о строительных материалах, о технике и конструкциях, ни одного слова, которое смогло бы научить учащихся материалистически мыслить в архитектуре. Быть может это возможно оправдать тем, что основное отделение Вхутеина, на котором даются эти задания, не является специфически архитектурным и строительным, а скорее общеобразовательным? Посмотрим тогда, как же обстоит дело с преподаванием «дисциплин пространства» на втором — специально-архитектурном курсе.

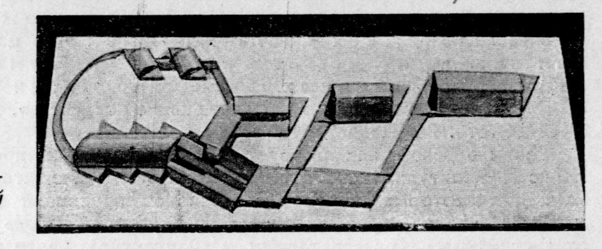
«Второй курс», — читаем мы в статье Н. Докучаева, — «является продолжением основного отделения. Здесь студенты работают как над дальнейшим изучением формальных средств искусства архитектуры, так и над совершенствованием своего уменья конкретизировать и синтезировать эти знания в своих так называемых «производственных» проектах».

Слово «производственных» заключено у проф. Докучаева в иронические кавычки. И действительно, говорить о том, что эти задания «производственные», можно было бы разве что в шутку, и притом — в злую шутку. Каковы эти «производственные» задания, какие требования ставятся во главу угла при их выполнении? Оказывается, те же абстрактнейшие требования, что и на первом курсе, на основном отделении. «Производственные задания второго курса, — читаем мы, — исполняются в той же последовательности, в какой изучались дисциплины организации пространства на первом курсе, а именно: первое задание — на выразительность архитектурного объема, второе задание — на выразительность массы и веса архитектурного объема, третье задание — на выразительность архитектурной конструкции, четвертое задание — на выразительность архитектурного пространства».

Вы видите, таким образом, что при такой постановке архитектурного образования в высшей школе, когда требования абстрактной выразительности формы и пространства подчиняют себе основную утилитарную сторону архитектуры, нетрудно совершенно исказить и извратить

Формализм в высшей школе. Архитектурное задание на «выявление конструкции» (рычаг первого рода). «Основное» отделение Вхутеина

Проект формалиста. Аэропланный завод

необходимую нам материалистическую линию к подготовке молодых архитекторов. И действительно, большинство наиболее характерных курсовых и дипломных проектов студентов Вхутеина, обучавшихся у формалистов, говорят о полнейшей оторванности их архитектурного мышления от реальных возможностей и социальных потребностей сегодняшнего — и даже завтрашнего — дня. Поэтому, когда мы читаем в той же статье проф. Докучаева, что «главным фактором, определяющим композиционные задачи в производственных заданиях, являются утилитарные функции задаваемых сооружений», то — в сопоставлении с известными проектами формалистов и со всей их теорией — слишком очевидно, что это является фарисейством, лицемерием, необходимым формалистам по каким-либо тактическим и стратегическим соображениям, но никак не принципиально-архитектурным. Я думаю, что буду очень недалек от истины, когда скажу, что преподавание архитектуры во Вхутеине в той части своей, в какой оно находится в руках у формалистов, перешло с необходимых нам научно-материалистических позиций на явно идеалистические и следовательно, — объективно вредные. В руках у формалистов, в их педагогической системе, понятие архитектуры поставлено на голову. Формалисты уверяют, что при ином положении понятия архитектуры «экономить психическую энергию при восприятии» невозможно.

Я думаю, что эта «экономия» дается слишком дорогой ценой и что от нее нужно как можно скорее отказаться. Наша боевая и первоочередная задача — в особенности для тех товарищей, кто работает во втузах — должна заключаться в том, чтобы противопоставить педагогической системе формалистов свою — материалистическую, последовательную и принципиально выдержанную, которая помогла бы нашему молодняку поставить понятие архитектуры с головы на ноги и научила бы применять принципы диалектического материализма в архитектурном мышлении и в архитектурном проектировании.

4. ФОРМАЛИЗМ И «ПСИХОТЕХНИКА»

Перейду к дальнейшему. Идеологи «рацио-архитектуры» серьезно уверены в том, что, подчиняя конструкцию и утилитарную сторону сооружений своей «пространственной логике», «экономя» несуществующую психическую энергию, выявляя «качества» формы, добиваясь выражения «бесконечности» и «конечности» в архитектуре, уверены, что они ведут тем самым научную работу. При этом они ссылаются на психотехнику, методами которой они хотят помочь «научной постановке положений архитектуры» на основе все той же «рационалистической эстетики». Против того, что «архитектор должен быть хотя бы элементарно знаком с законами восприятия и средствами воздействия, чтобы в своем мастерстве использовать все, что может дать современная наука» — как об этом пишет проф. Ладовский — возражать конечно не приходится. И психотехника — в ее подлинно-научной части — действительно смогла бы частично помочь разрешению этой задачи. Я говорю, «психотехника в ее подлинно-научной части», потому что психотехника гарвардского психолога Мюнстерберга, на которую хочет опереться и которую часто цитирует проф. Ладовский,—это не наука, а та же система идеалистической философии, разбавленная некоторыми позитивными научными терминами и некоторой дозой житейского опыта и житейской мудрости. Для тех, кто знаком с обширнейшим трудом Мюнстерберга, имеющимся и на русском языке, должно быть совершенно ясно, что это — безобиднейший философский трактат, никакой реальной пользы в практической жизни принести не могущий.

Таким образом, на мой взгляд, — вовлечь методы современной науки в рабочий метод архитектора возможно лишь, во-первых, выбросив из его идеологии «рационалистическую эстетику», вносящую сюда мистико-идеалистическую струю, и, во вторых, введя проблему архитектурной формы в рамки, диктуемые не абстрактной «пространственной логикой» темного происхождения, а логикой жизни, логикой общественного развития. Только тогда попытка, предпринятая формалистами, установить какие-то общеобязательные, научно-проверенные термины и понятия в архитектуре, на основе и психотехники, и иных научных дисциплин, могла бы рассчитывать на успех и привести к практически ценным результатам. Сейчас же, несмотря на то, что, формальная школа «как будто именно и стремится к объективизму, ищет точных признаков для классификации и оценки», она «в силу узости ее горизонта и поверхностности методов сбивается прямо-таки на суеверия». У «рационалистов» в архитектуре это приводит к суеверию «формы» и формальных «качеств»: геометрических, физических и пр., «качеств», существующих и выдуманных, которые нужно во что бы то ни стало «выражать» и «выявлять» в архитектуре для экономии несуществующей «психической» энергии.

Так «мнимый объективизм, опирающийся на недостаточные элементы вопроса, неизбежно приводит к худшему субъективизму».

5. ОБЩИЕ ИТОГИ

Такова теория формализма в архитектуре. Каким же, в общем итоге, должно быть наше отношение к ней?

Формальный метод уже получил достаточно отчетливую характеристику в нашей марксистской литературе. Рядом авторитетных товарищей справедливо указывалось, что материализм не отрицает значения формального момента, но что приемы формального анализа ни в какой мере не исчерпывают теоретических и практических задач художественного труда. И если, поэтому, аналитическую работу формалистов рассматривать не как самоцель, а как некий предварительный материал для социально-осмысленного синтеза в архитектуре, то тогда она могла бы быть, но только до известной степени, приемлемой. Формализм же, как таковой, как он есть, культивирующий одни «законы форм» вне их общественной обусловленности, является в наших условиях вреднейшей упадочнической теорией, теорией цеховых псевдо-ученых, сохранившей все черты мировоззрения буржуазного распада.

Формализм исходит во всех своих теоретических построениях из «сущности» архитектуры. Эта сущность представляется ему одинаковой на всем протяжении истории. Она заключается, как мы уже знаем, в том, что архитектурная форма способствует — и должна способствовать — нашей ориентировке в пространстве, причем потребность ориентироваться в пространстве считается «высшей». Поэтому каждая архитектурная вещь должна в глазах формалиста указанной стороне придавать исключительное значение и выдвигать ее на главенствующий план. В этом и заключается основной грех формалиста. Попытка определить неизменную «вечную» сущность архитектуры и добиться выявления этой «сущности» в архитектурном сооружении порочна в самом существе своем, ибо говорит о полнейшем непонимании исторического процесса. Каждая эпоха, каждый новый общественный класс, становящийся на плечи своих предшественников, конструирует эту «сущность» архитектуры по-своему, заново. И если, скажем, некоторая часть буржуазии на известном этапе своего развития видит эту «сущность» только в форме, независимой от социальных условий и требований, если она считает необходимым подчинять в архитектуре конструкцию, технику, утилитарную сторону абстрактной «пространственной логике», то пролетариат ставит эту концепцию с головы на ноги. Не выдуманной «пространственной логике» должно быть подчинено сооружение в нашу эпоху — эпоху, когда каждое явление рассматривается только в свете его общественно-функционального смысла — а, наоборот, эта «пространственная логика» должна каждый раз на каждом конкретном архитектурном примере заново создаваться, вытекать из новых разрешений общекультурных, плановых и конструктивно технических проблем, непрерывно выдвигаемых диалектикой общественного развития. И, следовательно, в нашу эпоху не нарочито выдуманная форма, не какие-то «неутилитарные архитектурные мотивы» должны диктовать свои законы технике и конструкции, а, наоборот, формальные закономерности должны быть подчинены культурно-социальным, плановым и конструктивно-техническим проблемам и, до известной степени, непосредственно вытекать из них.

Пространственная же логика, «пространственная истина», как всякая истина, может быть только конкретной, т. е. истиной в пределах определенного места, определенного времени, определенного уровня техники и, что самое главное, определенного общественного класса. Формалисты этого не понимают и понять, повидимому, не хотят. Наоборот, оторванность своих теоретических и практических построений от социальной динамики, от требований общественного человека они считают большой заслугой и горделиво выставляют это обстоятельство напоказ.

В «Известиях Аснова» они формулируют свое отношение к коллективному человеку весьма недвусмысленным образом. Они пренебрежительно пишут: «прабабушки верили, что человек мера всех вещей», в том числе и архитектуры. В действительности же, — говорят они, — человек может быть разве что «мерой всех портных», но никак не архитектуры. «Архитектуру мерьте архитектурой», — так заканчивают они свой листок. Коротко и ясно. Надо ли доказывать, что эта формулировка является в наших условиях вздором и притом — реакционнейшим вздором. Архитектура создается не для архитектуры. Поэтому именно человек, но не «человек вообще», а конкретный, коллективный, классовый человек, во всем разнообразии и во всей пестроте его культурно-бытовых устремлений и потребностей, должен являться масштабом, мерой и модулем для современной архитектуры. Это — азбучная истина для всякого материалиста. Полнейшее непонимание этого обстоятельства, характерное для всех упадочных буржуазных теорий, обрекает формальную школу в архитектуре на полнейшее практическое бесплодие и на дальнейшее идеологическое вырождение, свидетелями чему мы уже теперь частично являемся.

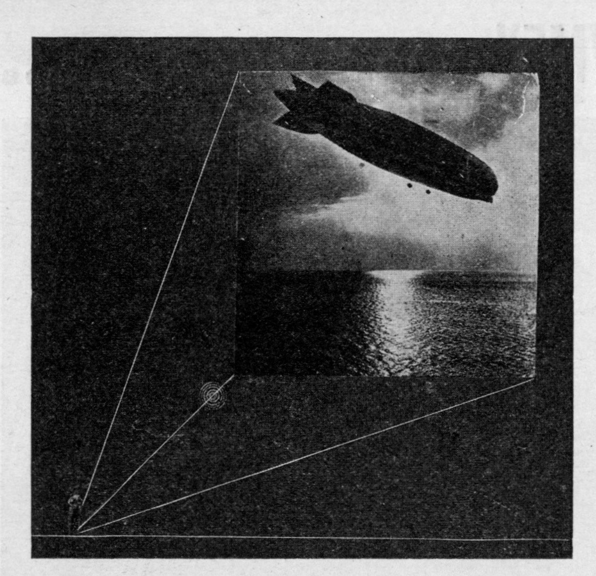
КОНКУРСНЫЙ ПРОЕКТ ПАМЯТНИКА КОЛУМБУ

И. ЛЕОНИДОВ

WETTBEWERBSENTWURF FÜR-KOLUMBUSDENKMAL

I. LEONIDOFF

Экран

ЗАПИСКА К ПРОБЛЕМЕ ПАМЯТНИКА

ЦЕЛЬ

Миллионы народов должны знать о великом деятеле и его исторической роли в развитии современной культуры.

Памятник должен быть конденсатором всех достижений мирового прогресса, местом широковещания о жизни и роли деятеля и о движении мировой истории.

СРЕДСТВА

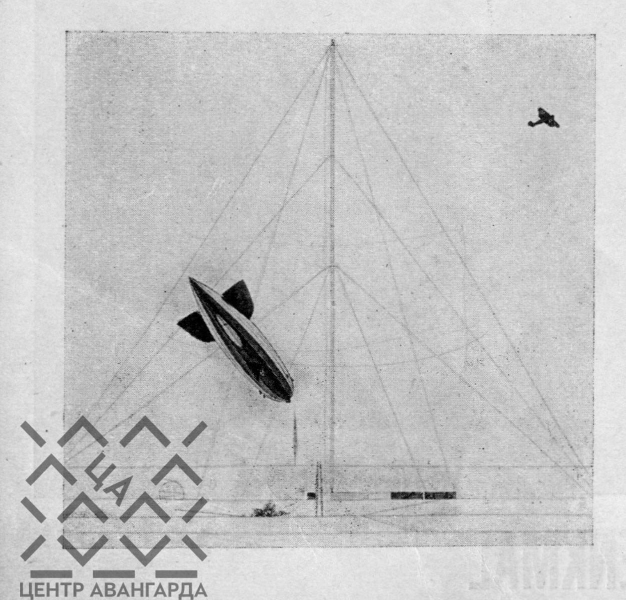
Данную цель нельзя свести к «монументу», ограниченному средствами логического воздействия и небольшим кругозором действия.

Сегодняшний день с его неисчерпаемым научным и техническим прогрессом дает возможность разрешить как цель, так и средства к ее осуществлению применительно к мировому кругозору.

Радио и радиоизображения на расстоянии, воздушный и морской порт конденсируют движение мировой культуры.

Радио, радиоизображения, воздушный и морской порт, кино, музей и т. д. — средства, вещающие миру о жизни и роли деятеля и о достижении мирового прогресса.

Фасад

Описание проекта памятника Колумбу

Музей — центр памятника, где хранятся все ценности, связанные с жизнью Колумба, и прах Колумба, перенесенный из «храма».

КОНСТРУКЦИЯ

Большая площадь музея перекрыта армированным стеклом. Принимая во внимание условия тропического климата и назначение музея, вместо стен пущена струя сильного воздуха, которая является необходимой изоляцией. По крыше также в жаркие дни протекает искусственная струя воздуха.

Часовня покрыта стеклянным куполом, вокруг которого спиралью идет пандус, дающий возможность видеть ее со всех точек зрения.

Радиопорт

Порт организуется двумя мачтами по 300 метров. На обращенной к морю установлен маяк с вольтовой дугой в миллиард свечей. Управление маяка происходит внизу, причем он связан с землей лифтом.

Ряд радиолабораторий и студий.

Порт — основная двусторонняя связь с миром.

Во всех городах мира на открытых площадях и в исторических музеях устанавливаются специальные экраны, на которые с помощью радиопередачи изображений проектируется история Колумба, которая специально заснимается на киноленты и отображает прогресс мировой культуры.

Таким образом рассказ о Колумбе миру выражен живым понятным языком и все достижения наших дней, как например перелеты Линдберга из Европы в Америку, «графа Цеппелина», экспедиция на полюс — захватывающие воображение всех, — жители каждого города могут наблюдать у себя на площади на экране памятника Колумбу.

Пароходы также имеют экраны.

Аэропорт имени Колумба

Воздушная связь с миром.

Аэропорт расположен в круге на самой высокой отметке местности, по периметру его идет крытая аллея — вокзал с местами для посадки, ангары расположены ниже, в земле, и освещены сбоку, со стороны скалы. Подъем самолетов происходит поднимающейся и спускающейся площадкой, установлены причальные мачты для дирижаблей.

Для регулярных колумбовских рейсов Европа — Америка, в Антлантическом океане устраивается плавучая аэробаза со всеми необходимыми помещениями, ангарами, гостиницами, электростанцией, радио и т. д.

База Колумба

Морской порт расположен на реке Оцама, которая для этой цели расширяется.

Метеорологическая станция Колумба — барометр воздушных и морских сообщений мира.

Научные лаборатории — мозг памятника, где вырабатывается его рабочий план.

1) радио, 2) кино, 3) обсерватория, 4) институт межпланетных сообщений, ставящий своей целью разрешение проблем межпланетных сообщений средствами последних достижений науки и техники; демонстрационным полем последнего служит аэродром и окружающая местность, другой частью море, 5) зал мировых научных и технических съездов, причем съезды организованы при помощи радио.

Генеральный план

Памятник расположен на высоте 20 метров над уровнем моря, как лучшем месте для организующего центра сооружений и богатой природы острова.

На самой высокой отметке места расположен аэродром.

Внизу — парк и здание Управления республикой.

Аэропорт, музей и парк связаны подвесной дорогой.

Аллея, идущая от музея к метеорологической станции, открывает богатые перспективы природы, организует зрителя, параллельно на скале устанавливаются мощные экраны, видимые с моря.

В заключение считаю, что только данная система памятника Колумбу могла бы быть культурным вкладом в историю человечества.

И. Леонидов

Л. КОМАРОВА

К ПРОЕКТУ здания КОМИНТЕРНА

Современная эпоха, поставившая новые социальные предпосылки перед архитектурой, требует от нее совершенно новых методов подхода к решению архитектурных объектов.

Существовавшее понятие о характере и социальной роли общественного сооружения изменилось с того момента, когда в корне изменилась его общественная функция. Иными словами, в условиях советской общественности, в период социалистического строительства назначение, а следовательно и характер архитектуры, становится совершенно другим. Происходит «переоценка ценности» старых понятий, и такие определения, как монументальность, стиль и т. п. не могут быть некритически пересажены в новую почву с новым классовым содержанием.

В данном случае понятие монументальности, определение характера здания Коминтерна, как памятника, архаично и не соответствует как самому характеру деятельности Коминтерна, так и активной социальной роли современной архитектуры, поставившей перед собой задачу организации новых форм жизни общества, а не фиксирования отдельных моментов в застывших формах памятника.

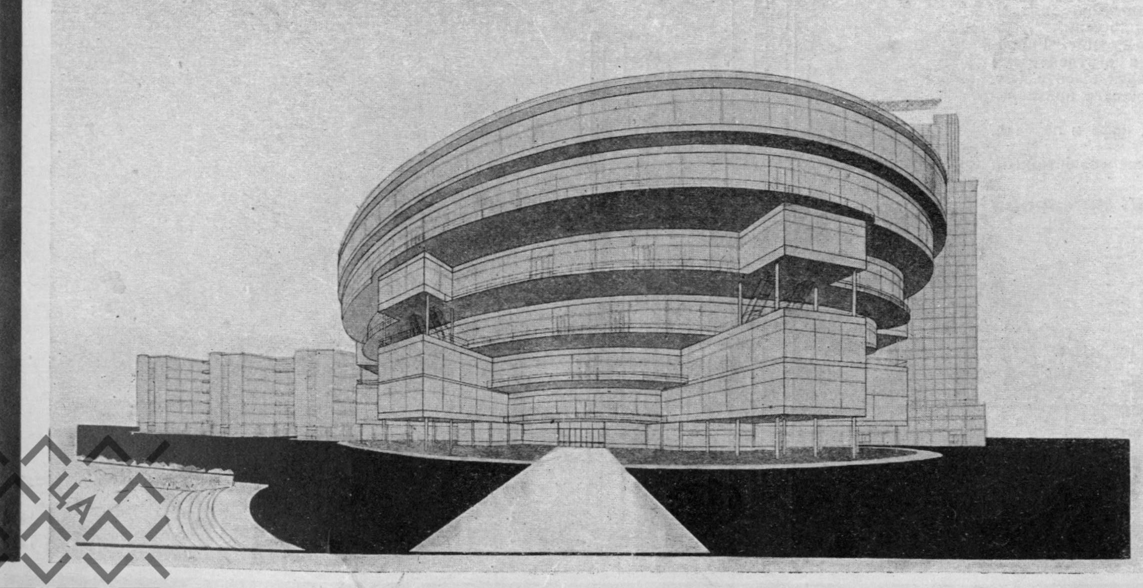
Поэтому задача проектировщика здесь, как и вообще, заключается в пространственном решении и оформлении социального и практического назначения сооружения. Причем назначение мы понимаем в деловом, конкретном смысле, а не в расплывчатом отвлеченном смысле выражения архитектурными формами «идеи Коминтерна».

Эту задачу можно разграничить на две основные части:

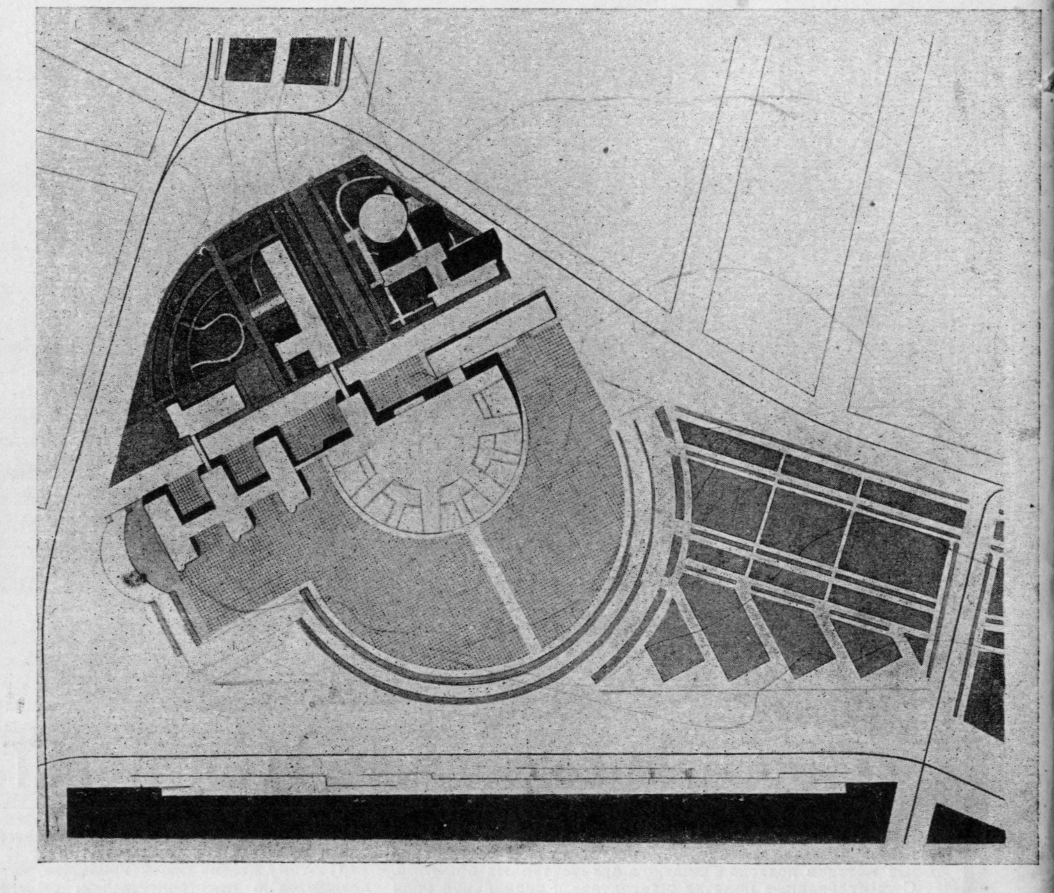
1) решение архитектурного объекта с точки зрения наилучшей организации деловой жизни внутри учреждения, взаимоотношения отделов и связи;

2) решение здания в общем комплексе городских сооружений, как общественно-политического центра, являющегося моментом выявления коллективной жизни города, связывающего работу внутри Коминтерна с внешним миром, с массами.

Но нужно отметить, что упор взят в сторону организации процесса, происходящего в учреждении, так как работа

HAUS DES KOMINTERNS von L. KOMAROWA

показательная, массовая (демонстрации и т. п.) не является главной чертой работы Коминтерна.

Приводим выписку из программы:

«Помещения Коминтерна можно подразделить на следующие группы:

I группа — помещения, в которых расположены руководящие органы Коминтерна с его рабочим аппаратом: комендатура, приемная, стол пропусков и др. обслуживающие помещения; издательский отдел, редакция, агитпроп, орготдел, информационный, кооперативный и др. отделы; кабинеты секретарей ИККИ с обслуживающими помещениями, 8 лендесекретариатов; бюро секретариата, являющееся организационно-техническим центром, экспедиция; зал заседаний президиума на 150 чел., зал конгресса и пленумов на 1 000 делегатов и 150 гостевых мест с помещениями машинисток, переводчиков, стенографов, кулуарами, выставкой и т. д. Помещения ИК КИМ, Спортинтерна, ОМС и архив.

II группа помещений: гостиница на 500 номеров, столовая на одновременное пользование 250 чел., клуб с залом на 500 чел. и помещениями для кружковых занятий, библиотека - читальня, рассчитанная на хранение 300 000 книг с читальным залом на 100 чел., музей, почта, телеграф, радиостанция.

III группа — помещения административно-хозяйственного и служебного назначения, гараж на 25 машин, типография, управление владением, склады и подсобные помещения».

Участком для здания взята площадь на месте храма Христа спасителя с учетом проектирующегося по плану Новой Москвы увеличения бульваров, примыкающих к этой площади.

Сооружение расположено на площади, мимо которой проходит трамвайное и автомобильное движение, и таким образом сама площадь остается свободной и предназначена только для пешеходного движения и свободного размещения толпы.

Здание Коминтерна в проекте имеет центральную часть, в которую входят: главный вестибюль (1 этаж), под ним помещается гардероб с механизированной подачей платья из подвала в вестибюль и обратно и гараж; зал конгресса (начиная с 3 этажа); залы комиссий, президиума и руководящие органы Коминтерна с обслуживающими помещениями (2, 3 эт. и выше).

Внутренние балконы 2-го и 3-го этажей над вестибюлем связывают непосредственно зал конгресса с комиссиями, президиумом, секретарями ИККИ и другими помещениями центральной части.

Из главного вестибюля имеется сообщение с остальными частями сооружения, которые переходами соединены с центром: 1) в которой расположены лендесекретариаты и отделы, являющиеся более доступными для посетителей и имеющие отдельные входы, представляет 3 корпуса, связанные по всем этажам коридором и подсобными помещениями (комнаты отдыха, буфеты и т. д.); 2) библиотека с книгохранилищем, музей, радиостанция, почта, телеграф и т. п.; 3) административно-обслуживающие помещения.

Загрузка центральной части и зала конгресса происходит по лестницам и наклонным патер-ностерам, подвозящим делегатов непосредственно к местам расположенным на разной высоте амфитеатра.

Сооружение центральной части имеет уступчатую форму, выступающих вперед каждого из верхних этажей благодаря параболлической кривой, по которой расположены места амфитеатра и примерно одинаковой глубиной фойе во всех этажах, чем достигается достаточная освещенность всех фойе и кулуаров.

Кроме того фойе имеют балконы, выступающие в каждом этаже над площадью, служащие местом отдыха делегатов и сотрудников и в определенные моменты могущие связать работу делегатов конгресса с митингом на площади.

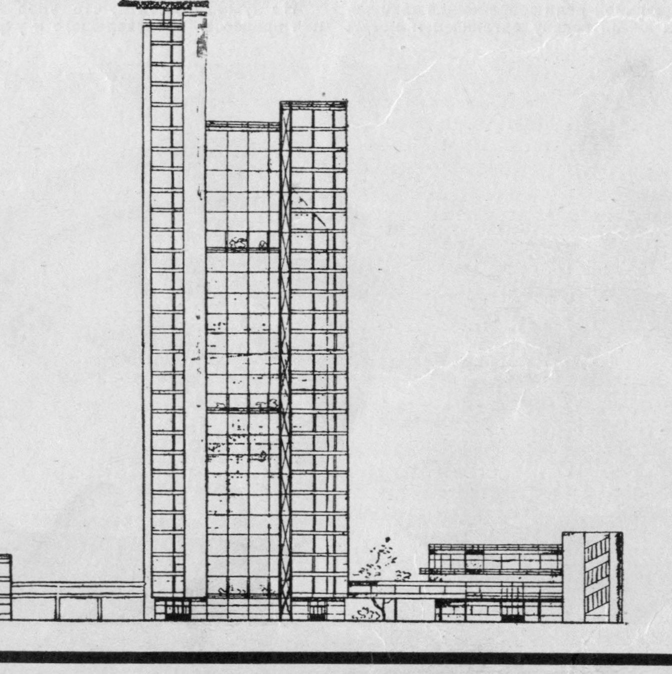
Гостиница и клуб выделены в отдельную группу. Гостиница решена по вертикали из двух корпусов с отдельными комнатами, связанными между собою по всей высоте коммунальными и культурными помещениями общего пользования.

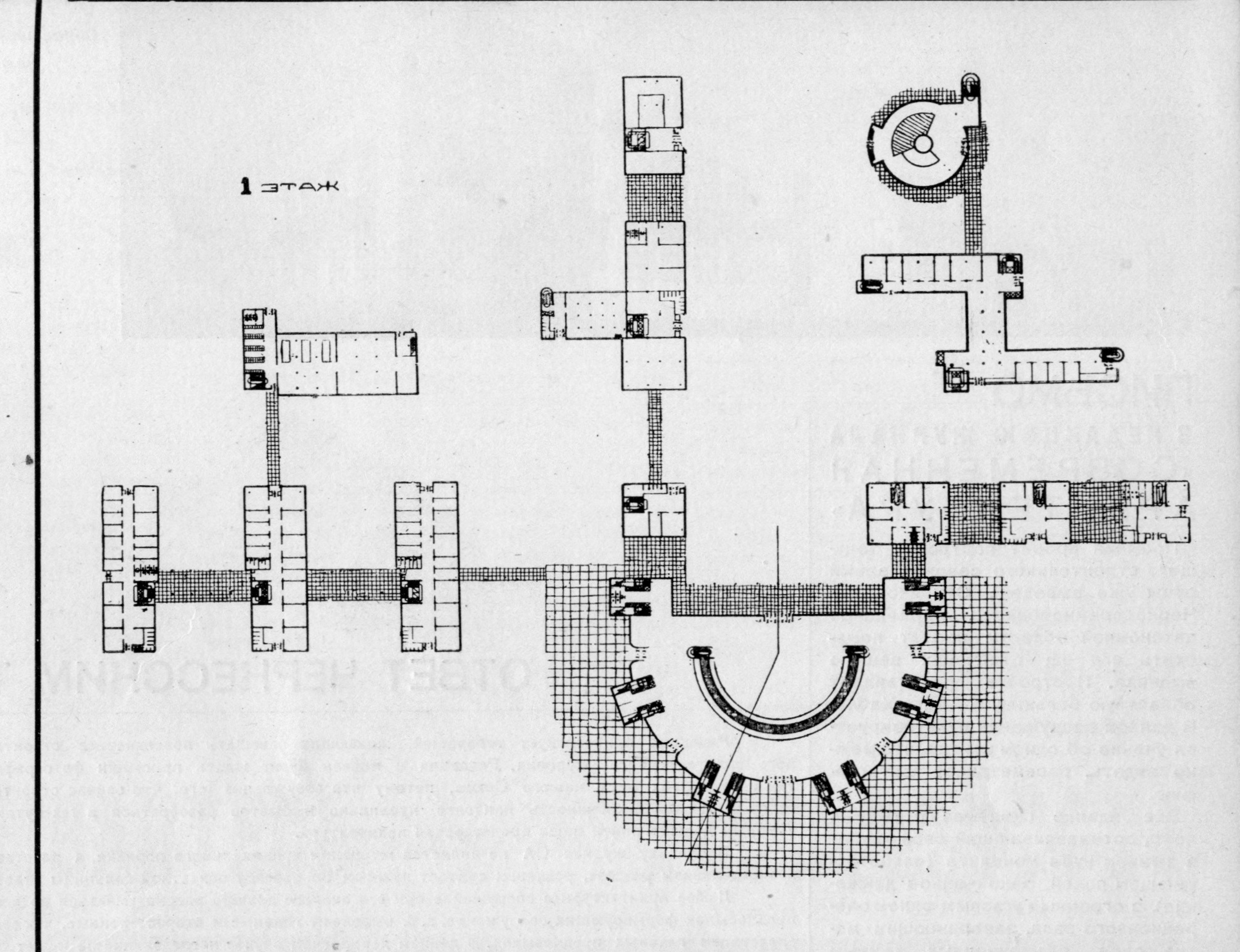
В нижних этажах расположены столовая, кафе и переход, связывающий гостиницу с клубом.

Материал здания — металлический и железо-бетонный каркас с заполнением.

Л. Комарова

Фасад

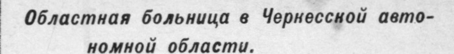

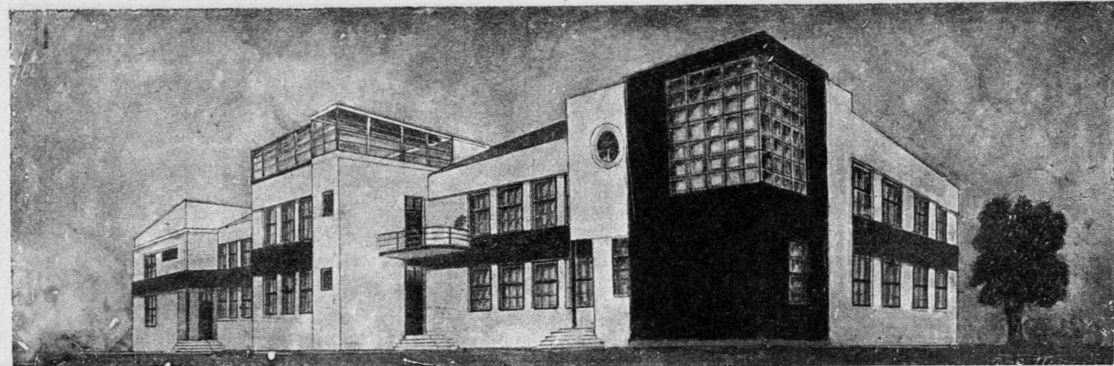
ПЛАНЫ ЗДАНИЯ КОМИНТЕРНА

2 этаж

Областная больница в Черкесской автономной области.

ПИСЬМО
В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «СОВРЕМЕННАЯ АРХИТЕКТУРА»

Посылая проект постройки текущего строительного сезона (первый этаж уже выведен), Стройконтора Черкеспромкомбината Черкесской автономной области просит поместить его на страницах вашего журнала. Постройка представляет областную больницу в Адыге-Хабле. В данном сооружении культивируется учение об одном центре, что можно видеть, рассматривая фотографию.

Все здание охватывает темный пояс, останавливающий свой разбег в темном кубе монолите (олицетворяющем покой, законченное движение), с огромным угловым окном операционного зала, завершающим мотив окон, объединенных темным поясом в отдельный витраж, развернутый от узкого бокового окна до фортиссимо углового окна. Большим окнам, выявляя их масштаб, сопутствуют мелкие окна с круглым окном стерилизатора при операционной,—тем глазом, который смотрит, чтобы были обезврежены инструменты. Здесь находим развитие идеи завершения в едином центре пройдя градацию от одного окна, затем через два окна буфетов при столовых приходим к круглому окну. Настоящий проект проектировали: Борис Петров и Востоков.

Кроме этой постройки строятся также рабочий поселок с отдельными домиками в нескольких вариантах, различных по внешнему оформлению и плану, но со строгим соблюдением стандарта: в размерах балок, окон, дверей и прочего. Таким образом поселок имеет живой вид и избегает того казарменного мертвящего вида, как это наблюдается при домах одного и того же типа при массовой застройке. Фотографии будут высланы по окончании работ.

Борис Петров
Востоков

ОТВЕТ ЧЕРКЕССКИМ ТОВАРИЩАМ

Редакция привегствует товарищей, желающих освещать повседневное строительство на страницах центрального архитектурного журнала. Редакция и впредь будет ждать присылки фотографий как от Черкеспромкомбината, так и из других мест нашего Союза, потому что обсуждение того, что сейчас строится, анализ отдельных конкретных работ даст нам возможность наиболее правильно и быстро разобраться в тех путях, которые должна наметить и по которым должна пойти наша пролетарская архитектура.

Поскольку журнал СА не является журналом хроникального порядка, а работает над архитектурой и ее путями в определенном разрезе, редакция считает нужным по проекту областной больницы ответить следующее;

Любое архитектурное сооружение при его анализе должно рассматриваться во всех его опосредствованиях. Из всех предпосылок формирующих сооружение, д. б. выделены главные и второстепенные, как самостоятельные, так и являющиеся следствием главных предпосылок. В данном конкретном случае исследование не может быть произведено по той простой причине, что черкесскими товарищами прислана только перспектива здания, т. е. нельзя при анализе его охватить всех сторон проекта (плана, конструкции и т. д.).

На основании же полученного и публикуемого письма и приложенной к нему перспективы нельзя не сказать, что тт. Петров и Востоков ошибочно подходят к работе архитектора и ошибка заключается в том, что они на ряду с решением областной больницы возымели желание «культивировать учение об единсм цент; е» и ввели в число архитектурных средств всевозможные «бегущие темные пояса», «останавливающий темный куб» и т. д.

Очевидно, что эти формы нужны были совсем не для того, чтобы наилучшим образом организовать работу самой больницы, т. е. если даже предположить, что план (понимаемый, как вся пространственная схема) больницы, который является важнейшим архитектурным средством организации ее работы, решен авторами безупречно, то этот план конечно не требовал ни «темных поясов», ни «куба монолита». Не думаем мы также, чтобы конструкция здания вызывала эти формы как неизбежную необходимость. Таким образом, становится ясным, что авторы ввели эти формы, как самостоятельный, на ряду с планом и конструкцией, элемент, ради той работы, которую этот элемент совершает, как таковой.

Какова же роль этого элемента? Видимо, психологическая. Он предназначен для того. чтобы, будучи зрительно воспринят, произвести какую-то общественно-важную работу в голове зрителя.

Какую же именно? Что полезного вносят в психику человека «полосы», «кубы» и пр.,—все это реализованное «учение об едином центре»?

Должны яи они как символ напоминать о великих общественных учениях, стержнем которых служит идея централизма? Не думаем, чтобы подобное занятие могло быть причислено к числу полезных. Символизм в архитектуре — давно обанкротившийся метод, и робость, с которой он здесь применен, не делает его приемлемей.

Может быть эти формы должны говорить не о столь абстрактных материях, а о той больнице, на которую они «нанесены»? Об ее работе, о процессах, в ней протекающих? Может быть они должны помочь зрителю ориентироваться в частях больницы в ту неприятную минуту, когда он захочет в нее попасть. Но тогда, кроме того, что предложенные авторами формы в этом смысле совершенно несостоятельны, мы думаем, что этот путь и принципиально неверен. Ведь откуда зритель узнает, что круглое окно относится к стерилизатору, а не уборной? «Монолит» к операционной, а не к главной палате? Если авторы не думают ввести в начальных учебных завецениях специального курса архитектурного формального языка, то, очевидно, что зритель познакомиться с их смыслом сможет, только побывав в больнице, т. е. через опыт активного, функционального общения с ее работой. Но тогда без всяких налепок любая форма, которую будут иметь эти помещения, свяжется у него с представлением об их работе. И налепки оказываются лишними.

Мы считаем, что введение каких бы то ни было внешних посторонних частей, не нужных для лучшего отправления вещью своих функций, — ложный путь, путь фальшивых масок, играющих вредную роль в процессе становления архитектуры пролетариата.

Мы считаем, что при условии сознательного и активного участия архитектора в строительстве социализма, архитектурная форма должна строиться из учета социальных сдвигов сегодняшнего и завтрашнего дня; на основе применения к ней современной техники, конструкций, материалов, на основе стандартизации и индустриализации ее, на основе нашего общего хозяйственного и культурного плана, должна получиться в результате верного пространственного решения ее, как функции определенных процессов, в ней протекающих.

Таков путь к новому социальному типу. К сожалению, черкесские товарищи не идут по этому пути.

РЕДАКЦИЯ

БИБЛИОГРАФИЯ

СБОРНИК КОМПОЗИЦИОННЫХ РАБОТ СТУДЕНТОВ.

«Архитектурный факультет Академии художеств». Ленинград 1929 г.

Вслед за московским Вхутеином опубликовала сборник работ своих студентов и Ленинградская академия.

Предисловие редакции, дающее оценку исторической роли Академии в развитии архитектуры и пытающееся очертить задачи современного архитектурного вуз'а, не блещет глубиной и оригинальностью анализа и мыслей.

Дифирамбы классическому прошлому Академии, которое, как водится, «цвело пышным цветом», затем в меру укоризненный отзыв о «поверхностных эклектических увлечениях» последующего времени, далее несколько покаянных слов о «перепутьи», на котором очутилась после революции Академия, с трудом воспринимавшая «несколько легковесное» новое (это неуверенно-соглашательское «несколько» тоже прямо-таки «классическое»); затем решительный шаг «от обороны к нападению» — следует штампованная фраза о том, что «нельзя ограничивать архитектуру принципом конструктивности или функциональности, не учитывая всех других элементов», и наконец утешительный итог — Академия будет работать для выработки «нового большого стиля» на основах и традициях классики и современных требований.

Нельзя не умилиться, прочтя эту благонамереннейшую программку «золотой середины» и либерального «свободомыслия» в архитектуре. Какие горизонты! Какая тонкая художественная стратегия!

Реальное содержание сборника как нельзя лучше соответствует этой мудрой политике академического руководства, политике, руководствующейся принципом: «от всего хорошего — понемногу» или «от всякой твари — по паре».

В сборнике имеются самые разнообразные стили: есть греческий и римский, есть ренессанс, есть «греко-советский» и «ренессанско-советский», но есть, действительно, и «новый стиль» — и местами «как стиль» совсем даже не плохой.

Вся беда академического руководства заключается в том, что дальше «стиля» оно в архитектуре ничего не видит. Поэтому и работы студентов, при всем трогательном разнообразии их «стилей», по существу очень однообразны и скучны. **В сборнике нет осмысленного социального подхода к архитектуре, нет изобретательства новых пространственных форм жизни, нет ответа на требования перестраивающегося общественного быта.**

Если провести параллель между «Архфаком Академии художеств» и «Архитектурой Вхутемаса», то перевес останется, бесспорно, на стороне последнего сборника.

Несмотря на ряд крупнейших промахов, несмотря на засилье формального элемента (см. нашу рецензию в СА 4. 1923), в «Архитектуре Вхутемаса» имеется все же правильная *постановка* вопроса о руководстве архитектурным образованием: стремление перейти от интуиции в преподавании архитектуры к осмысленному, планомерному анализу и творчеству.

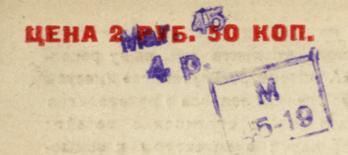
Академия же, судя по студенческим работам, еще целиком в плену старых методов преподавания архитектуры: преподавания «по чутью», копирования «образцов» и пр. Это — коренной недостаток Академии, полностью отразившийся в беспринципности опубликованных работ.

Что же касается пресловутых «традиций классики», усвоением которых так горда Академия, то мы берем на себя смелость утверждать, что настоящих «традиций классики» Академия не знала и не знает. Ибо воспринимает она классику только поверхностно, формально, «стилистически», не понимая ее исторических и культурно-социальных корней. Правда, современное состояние социологических исследований в архитектуре не позволяет еще сделать каких-либо окончательных выводов о социально-классовом происхождении того или иного исторического «стиля». Но мы не сомневаемся, что разработка этой области знания откроет воспитанникам Академии новые горизонты и заставит их от большинства «традиций классики», которые «цвели пышным цветом» в Академии, отказаться полностью, «всерьез и надолго».

Р. Х.

Ответственный редактор
М. Я. ГИНЗБУРГ
Оформление журнала
ВАРВАРЫ СТЕПАНОВОЙ

Главлит № А—44 650 Гиз № 33595 Заказ № 10239 Тираж 2750
Типография Госиздата „Красный пролетарий", Москва, Краснопролетарская улица, 16.

ABONNEZ -VOUS AU JOURNAL

SA
Sowremenaja Architectura

LES DEMANDES D'ABONNEMENT AU JOURNAL „L'ARCHITECTURE MODERNE" (SA), pour l'Etranger, doivent être adressées:

A MOSCOU: — Soc. An. „MEJDUNARODNAIA KNIGA", Kousnetzky most, 18, Moscou, Centre. Compte Courant № 444 en valeur étrangère à la Direction de la Banque d' Etat Moscou, URSS.

A L'ETRANGER:—Aux Représentations de la Soc. An. „MEJDUNARODNAIA KNIGA"—précisément:

A BERLIN A BERLINO IN BERLIN	**„KNIGA" Buch- u. Lehrmittelgesellschaft m. b. H. Berlin w. 35, Kurfürstenstr. 33.**
A PRAGUE A PRAGA IN PRAG	**OBCHODNI ZASTUPITELSTVI SSSR v. C. S. R. Knizni Oddeleni, Praha 11—C. S. R. Lüfzowova, 21.**
A PARIS A PARIGI IN PARIS	**Mr. M. E. INGBER, Représentation Commerciale de l'URSS en France, chambre № 2, 25, rue Ville — l'Evêque Paris VIII-e France.**
A NEW-YORK IN NEW-YORK	**AMTORG TRADING CORPORATION, Book Department, 136, Liberty Street, New-York, N. Y. U. S. A.**

Prix de l'abonnement à „L'ARCHITECTURE MODERNE" (SA), pour l'étranger:
Pour un an—5,15 dollar. Pour 6 mois—2,6 dollar.

ABONIEREN SIE AUF DIE ZEITSCHRIFT

SA
Sowremenaja Architectura

BEZUG DER ZEITSCHRIFT „DIE MODERNE ARCHITEKTUR" (SA), für das Ausland:

IN MOSKAU, IN BERLIN, IN PARIS, IN PRAG, IN NEW-YORK—A. G. „Meschdunarodnaja Kniga", Moskau, Kusnetzki most, 18. Laufendes Konto № 444 in ausländischer Währung in der Staatsbank v. USSR—Moskau.

IM AUSLANDE — Durch die Vertretungen der A. G. „Meschdunarodnaja Kniga" und zwar:

A BERLIN A BERLINO IN BERLIN	**„KNIGA" Buch- u. Lehrmittelgesellschaft m. b. H. Berlin w 35, Kurfürstenstr. 33.**
A PRAGUE A PRAGA IN PRAG	**OBCHODNI ZASTUPITELSTVI SSSR v. C. S. R. Knizni Oddeleni, Praha II—C. S. R. Lützowova, 21.**
A PARIS A PARIGI IN PARIS	**Mr. M. E. INGBER, Representation Commerciale de l'URSS en France, chambre № 2, 25, rue Ville — l'Evêque, Paris VIII-e, France.**
A NEW-YORK IN NEW-YORK	**AMTORG TRADING CORPORATION, Book Department, 136, Liberty Street, New-YORK, N. Y. U. S. A.**

Bezugspreis für das Ausland der Zeitschrift „DIE MODERNE ARCHITEKTUR" (SA), auf 1 Jahr—5 Dollar 15 Cent. Auf 6 Monate—2 Dollar 60 Cent.

SUBSCRIBE FOR THE MAGAZINE

SA
Sowremenaja Architectura

SUBSCRIPTION FOR THE MAGAZINE „THE MODERN ARCHITECTURE" (SA), for foreign countries is effected through the following institutions:

IN MOSCOW, IN NEW-YORK, IN BERLIN, IN PARIS, IN PRAGA—„Mejdunarodnaya Kniga" Ltd. 18, Kusnetskiy Most, Moscow, Centre. Account Current No. 444 in foreign currency, Gosbank Board of Directors, Moscow USSR.

ABROAD:—representative boards of „Mejdunarodnaya Kniga" Ltd., viz.:

A BERLIN A BERLINO IN BERLIN	**„KNIGA" Buch- u. Lehrmittelgesellschaft m. b. H. Berlin w. 35, Kurfürstenstr. 33.**
A PRAGUE A PRAGA IN PRAGA	**OBCHODNI ZASTUPITELSTVI SSSR v. C. S. R. Knizni Oddeleni, Praha II—C. S. R. Lützowova, 21.**
A PARIS A PARIGI IN PARIS	**Mr. M. E. INGBER, Représentation Commerciale de l'URSS en France, chambre No 2, 25, rue Ville — l'Evêque Paris VIII-e France.**
A NEW-YORK IN NEW-YORK	**AMTORG TRADING CORPORATION, Book Department, 136, Liberty Street, New-YORK, N. Y. U. S. A.**

The subscription prices for the magazine „The Modern Architecture" (SA), for foreign countries are:

FOR ONE YEAR —5. 15 Dollar.
FOR SIX MONTHS—2.60 „

ABBONATEVI AL GIORNALE

SA
Sowremenaja Architectura

LE RICHIESTE DI ABBONAMENTO AL GIORNALE „L'ARCHITETTURA MODERNA" (SA), per l'estero debbono essere fatte:

A. MOSCA, A PRAGA, A PARIS, A NEW YORK. A BERLIN:—Soc. Anonima „MEGDUNARODNAIA KNIGA", Moscwa, Zentr, Kusnetzkii Most, 18.

Conto corrente № 444 in valore esterna alla Direzione del Banco di Stato, URSS—Mosca.

ALL'ESTERO:—Alle Rappresentazioni della Soc. Anon. „Megdunarodnaia Kniga", precisamente:

A BERLIN A BERLINO IN BERLIN	**„KNIGA" Buch- u. Lehrmittelgesellschaft m. b. H. Berlin w 35, Kurfürstenstr. 33.**
A PRAGUE A PRAGA IN PRAG	**OBCHODNI ZASTUPITELSTVI SSSR v. C. S. R. Knizni Oddeleni, Praha II-C. S. R. Lützowova, 21.**
A PARIS A PARIGI IN PARIS	**Mr. M. E. INGBER, Représentation Commerciale de l'URSS en France, chambre No 2, 25, rue Ville — l'Evêque Paris VIII-e. France.**
A NEW-YORK IN NEW-YORK	**AMTORG TRADING CORPORATION, Book Department, 136, Liberty Street, New-YORK, N. Y. U. S. A.**

Prezzo di abbonamento per l'estero al giornale „L'ARCHITETTURA MODERNA" (SA)
Per un anno—5.15 Dollar. Per 6 mesi—2.60 Dollar.